

С Т Е Н О Г Р А М М А

парламентских слушаний на тему "О концепции государственного регулирования выбросов и поглощений парниковых газов в контексте стратегических целей и задач Российской Федерации"

22 ноября 2019 года

А.П. МАЙОРОВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Есть предложение начать наши сегодняшние парламентские слушания на тему "О концепции государственного регулирования выбросов и поглощений парниковых газов в контексте стратегических целей и задач Российской Федерации".

Тема у нас сегодня глобальная во всех смыслах. Как вы знаете, 21 сентября этого года подписано постановление Правительства Российской Федерации "О принятии Парижского соглашения". До этого момента этот вопрос широко обсуждался. Теперь в этом вопросе поставлена точка. Но тем не менее важно отметить, что вопрос государственного регулирования выбросов парниковых газов на уровне нашего законодательства далеко не закрыт.

Что мы имеем на сегодняшний день? С одной стороны, на сегодняшний день выполняется и даже перевыполняется Указ президента от 2013 года "О сокращении выбросов парниковых газов", в котором поставлена задача к 2020 году сократить объем выбросов парниковых газов до уровня не более 75 процентов объема указанных выбросов в 1990 году. По самым консервативным

оценкам, сегодня наши выбросы едва превышают 70 процентов. Это является, конечно, неплохим показателем.

Также на сегодняшний день принято несколько ключевых документов в этой области. К ним можно отнести Климатическую доктрину Российской Федерации с комплексным планом ее реализации до 2020 года, а также Стратегию экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. Тем не менее в части нормотворческой работы предстоит еще многое сделать.

Как вы знаете, в 2016 году Правительством Российской Федерации была утверждена "дорожная карта" по реализации комплекса мер, направленных на совершенствование государственного регулирования выбросов парниковых газов, в целях подготовки к принятию Парижского соглашения. На сегодняшний день, как я уже сказал, соглашение принято, однако не все пункты "дорожной карты" выполнены. В частности, в настоящее время ведется доработка проекта федерального закона о государственном регулировании выбросов и поглощений парниковых газов, а также готовится к подписанию (он практически готов) указ президента о сокращении выбросов парниковых газов до 2030 года. Помимо этого, ведется работа над стратегией долгосрочного развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года.

Надеюсь, что представитель Министерства экономического развития, как ответственного федерального органа исполнительной власти, в своем докладе осветит основные моменты работы над этими нормативно-правовыми актами.

Хотел бы отдельно попросить остановиться и посвятить нас в детали относительно законопроекта и указа президента и ответить на следующие вопросы. Какие изменения в итоге будут внесены в

законопроект по итогам совещания у вице-премьеров – коллег Гордеева и Козака? Какую планку по снижению выбросов парниковых газов планируется установить в указе президента до 2030 года? И удалось ли прийти к взаимопониманию с Министерством энергетики?

Почему мы просим остановиться на этих деталях? Потому что становится понятно, что тема климатических изменений и регулирования выбросов парниковых газов становится все более экономической. Уже сегодня очевидно, что от нашего национального регулирования выбросов и поглощений парниковых газов в значительной мере будет зависеть, насколько наша экономика будет конкурентоспособной в будущем.

На этом пути перед нами стоит сложная задача – найти разумный баланс между желанием быть в "зеленом" тренде (если можно так выразиться) и тем, чтобы при этом не создать препятствий для нашего экономического развития. Нам необходимо искать возможности в неотвратимом тренде низкоуглеродного развития. Именно в таком русле – использования возможностей, а не создания препятствий для национального развития – давала поручение провести парламентские слушания председатель нашей палаты Валентина Ивановна Матвиенко. И я призываю всех докладчиков держаться этого русла.

И на этом я хотел бы передать слово своему коллеге Геннадию Ивановичу Ордену, члену нашего комитета. Он также является руководителем секции по вопросам изменения климата.

Геннадий Иванович, пожалуйста, Вам слово.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо большое.

Уважаемый Алексей Петрович, уважаемые коллеги, гости, доброго всем здоровья! Очень приятно видеть много знакомых лиц. Мы в стенах Совета Федерации проводим на эту тему уже четвертое заседание. Хочу поблагодарить всех, кто нашел возможность принять участие в этих парламентских слушаниях. И благодарю всех за конструктивные предложения (их довольно много) в рекомендации наших парламентских слушаний.

Алексей Петрович очень четко обозначил рамки сегодняшней дискуссии. Мы понимаем, что сегодняшняя климатическая повестка – это уже больше про экономику, даже не про экологию, хотя, конечно же, экология присутствует – на первом месте. При этом абсолютно согласен с тем, что тренд низкоуглеродного развития неотвратим, и этот тренд будет нами использоваться (и должен использоваться) для раскрытия Россией своего реального потенциала как глобального климатического донора. Либо мы будем вынуждены в будущем нагонять уходящий поезд и стараться каким-то образом подстроиться под "углеродный протекционизм", который набирает обороты на международном уровне.

Думаю, все знают, что в Евросоюзе уже готовится комплекс мер таможенного регулирования (или заградительных) в части импорта продукции из стран, где выбросы парниковых газов не регулируются. Помимо этого, в гражданской авиации с 2026 года вводится углеродный сбор за международные авиаперелеты, если уровень выбросов у компании будет превышать уровень 2020 года.

Еще одним ярким примером этого тренда является то, что оксфордский словарь признал словосочетание "чрезвычайная климатическая ситуация" главным словосочетанием 2019 года, которое употребляется в средствах массовой информации и исследованиях.

Я говорю это все не к тому, что мы должны всё бросить и удариться в экологический радикализм, закрыть наши заводы и запретить все машины с двигателями внутреннего сгорания как транспорт, а к тому, чтобы мы понимали глобальный контент. На нас он будет неизбежно влиять.

Президент на проходившем вчера форуме "Россия зовет!" четко высказался, что Россия будет последовательно "озеленять" свой энергетический баланс, несмотря на то что он уже у нас один из самых "зеленых" в мире.

Президент также отметил, что низкоуглеродный тренд — это удобный способ для некоторых стран защитить свои экономические интересы и, судя по всему, тренд этот будет только нарастать. Поэтому при выработке государственного регулирования в этой сфере нам нужно исходить из принципа "не ждем, а готовимся".

Необходимо создать на национальном уровне для нашего бизнеса условия, при которых российская продукция будет иметь все основания для того, чтобы называться "зеленой", а наши леса, запасы которых самые большие в мире, будут в полной мере учитываться как глобальные "легкие" планеты и как главный мировой поглотитель парниковых газов. Но пока, к сожалению, это скорее планы на будущее, нежели реальные шаги. Нам нужно, если можно так выразиться, подружить экономику и экологию. Необходимо предоставить нашему реальному сектору экономики, и прежде всего энергетике и топливно-энергетическому комплексу, возможность инвестировать в лесное хозяйство, чтобы компенсировать свой углеродный след, и выстроить механизм, чтобы эти инвестиции засчитывались за рубежом.

В наших лесах огромный потенциал. При правильном ведении лесного хозяйства мы в состоянии увеличить поглощение

парниковых газов на 25–30 процентов (это как минимум). Думаю, наши докладчики сегодня об этом скажут.

И последнее. Хотел бы заострить еще раз наше внимание на том, о чем сказал Алексей Петрович. Нам не нужно создавать препятствия для социально-экономического развития, нам нужно искать и использовать возможности. Именно поэтому мы считаем на данном этапе, на первом этапе, излишним делать акцент на фискальном характере регулирования выбросов парниковых газов.

Необходимо начать с инвентаризации – посчитать источники выбросов, а потом уже принимать решение, нужно ли нам вводить какие-то фискальные инструменты и, если нужно, в каких параметрах. В этом вопросе нужно двигаться постепенно.

Напоминаю, что у нас сегодня ведется стенограмма. Все предложения и замечания, которые прозвучат, будут зафиксированы. Также вам роздан проект рекомендаций.

У нас сегодня большое количество выступающих, поэтому прошу докладчиков укладываться в пять – семь минут и делать акцент на предложениях.

На этом я хотел бы передать слово для доклада Корепановой Ларисе Николаевне, заместителю директора Департамента конкуренции, энергоэффективности и экологии Министерства экономического развития Российской Федерации.

Лариса Николаевна, прошу Вас.

Л.Н. КОРЕПАНОВА

Спасибо за приглашение и возможность выступить на этом мероприятии.

Чего от нас ждут? Наверное, в первую очередь ждут, чтобы мы рассказали о проекте закона, по которому, как совершенно верно было озвучено в преддверии моего выступления, прошли

консультации с бизнесом. Проект закона был обсужден и, надо сказать, продолжает обсуждаться после очередного совещания в правительстве.

Что в нем осталось от того, что изначально задумывалось в плане регулирования выбросов парниковых газов в стране? В проекте закона действительно осталось создание системы мониторинга выбросов, то есть мы должны посчитать все источники, наиболее крупные из них, понять, что они выбрасывают и какая у них динамика, какие перспективы. И из конструктивного в проекте закона осталась возможность выполнения добровольных инвестиционных проектов по снижению выбросов парниковых газов или увеличению их поглощения. Говорить о том, что эти меры являются мерами государственного регулирования и что создание системы учета и полная добровольность проектов каким-то образом позволят нашей экономике быть более энергоэффективной и менее энергоемкой, чем она есть сейчас, не приходится. Что собой представляет система государственного регулирования, вообще любого регулирования? Администрирование, учет, контроль, проверка, ответственность. В нашем случае — только учет, больше ничего. За счет только учета, только создания базы данных и получения статинформации о выбросах мы, естественно, не сможем совершить никакого технологического рывка в нашей экономике.

Но тем не менее законопроект предусматривает на будущее право правительства вводить дополнительные, действительно регуляторные, меры по мере того как будет произведен анализ достижения цели по снижению выбросов парниковых газов, национальной цели. И если будет прогнозироваться превышение установленного президентом порога, то правительство получает право самостоятельно вводить такие меры. Насколько такая правовая

конструкция является демократичной, законной, нам уже, видимо, скажут на других этапах. Правительство вводит регуляторные меры, не закон. Но тем не менее на этом настоял бизнес. Бизнес, видимо, все-таки имеет доверие к правительству в части того, что правительство не будет вводить какие-то очень жесткие регуляторные меры, в отличие, наверное, от нашего парламента.

Через три дня мы собираем представителей отраслевых министерств, для того чтобы обсудить последние корректуры законопроекта.

Да, и что из закона исчезло наиболее конструктивного? Отсутствует возможность учета углеродных единиц. Здесь много говорилось о возможности учета таких результатов на зарубежных рынках. Более того, в пункте 3 предлагаемого проекта рекомендаций есть такая формулировка, что закон должен отразить вопросы учета результатов проектов национальной отчетности и возможности использования результатов компаниями — инициаторами внешнеэкономической деятельности.

Так вот, фраза по поводу учета проектов национальной отчетности — совершенно бессмысленная, она ничего не даст. И если проекты поглощения в национальной отчетности еще как-то можно отразить — путем увеличения площади управляемых лесов, благодаря выполненным какой-то компанией проектам, то проект по сокращению выбросов, то есть проведению модернизации технологической линии, реконструкции завода, в национальном отчете отражению в принципе не подлежит. То есть национальная отчетность испытает какие-то вибрации, небольшие колебания на сумму сокращенных выбросов парниковых газов, но разделов о том, что это произошло за счет усилий добровольного проекта компании

"X", национальная отчетность не содержит и содержать не может. Национальная отчетность предусмотрена несколько для иного.

В первоначальной версии проекта мы предлагали ввести в гражданский оборот понятия "углеродная единица", "обращение углеродных единиц", как это делается во всем мире. И только тогда мы могли бы эти единицы продать или купить либо помочь нашим компаниям, выполняющим международные рейсы (в частности, в проекте рекомендаций эта проблематика тоже отражена), введением системы CORSIA, когда компании могут покупать на рынках единицы сокращенных выбросов. Так вот, на нашем рынке компании ничего не купят, ибо единиц нет и обращению они не подлежат, зато они будут покупать на других организованных рынках, которые уже действуют в течение 20 лет, — европейском, американском (Калифорнийская система торговли квотами на выбросы) и китайском. Мы такой возможности пока, к сожалению, не даем нашим законопроектом. То есть бизнесу стоит очень хорошо подумать над этим предложением. Надеюсь, мы получим поддержку и в парламенте по введению такой системы обращения углеродных единиц.

Что касается национальной цели. Национальная цель будет утверждена указом президента, как это предусмотрено климатическим планом, утвержденным распоряжением правительства № 2344-р. В декабре мы внесем в правительство проект указа президента. Цель определена как снижение выбросов к 2030 году на 30 процентов от уровня 1990 года.

Нельзя сказать, что цель наша амбициозная, тем более что не секрет, что наши выбросы сокращены на сегодняшний день на 49 процентов от уровня 1990 года. И тем не менее мы себе ставим

цель снизить на 30 процентов. Это звучит несколько парадоксально, но тем не менее звучит именно так.

Мы провели анализ, осуществили прогноз. Мы уже получили данные и имеем на руках предложения по четырем сценариям развития страны к 2050 году. И эта цель соответствует базовому сценарию — когда мы ведем бизнес, ведем экономическую деятельность как обычно, в рамках уже существующих, принятых государственных программ, национальных проектов и федеральных целевых программ. 70 процентов — цель вполне достижимая, с большим запасом.

По поводу Минэнерго. Действительно, у нас на этапе согласования этой цели возникли разногласия, поскольку по отраслевому прогнозу Минэнерго получается, что они не достигнут цели 70–75 процентов, превысят этот показатель. Но мы посмотрели проект отраслевого сценария Минэнерго. Сложно его анализировать, поскольку с первых страниц этого сценария говорится о том, что данные по выбросам в стране на 2017 год отсутствуют. То есть разработчики сценария не видели национального кадастра.

Мы считаем, что цель достижима, как я уже объявила, с учетом того что, по данным кадастра, мы уже сегодня снизили выбросы на 49 процентов, а планируем снизить на 30 процентов. Парадоксально, но тем не менее что имеем, то и имеем.

И по поводу опасений Минэнерго, которые ранее высказывались, в части роста тарифов для населения, что недопустимо для нашего населения в наших условиях. Хотелось бы напомнить, что долгосрочный прогноз социально-экономического развития до 2036 года, который подготовлен и размещен на сайте Минэкономразвития, предусматривает именно такой сценарий — опережающий рост тарифов на электричество для населения и

небольшой, малыми темпами рост – для промышленных предприятий.

Поэтому, пожалуйста, сверьте свою отраслевую стратегию с долгосрочной стратегией, которая уже утверждена и действует. У меня всё. Спасибо.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо, Лариса Николаевна.

Я предоставляю слово заместителю директора Департамента развития электроэнергетики Министерства энергетики Российской Федерации Бобылёву Петру Михайловичу.

П.М. БОБЫЛЁВ

Уважаемые коллеги, добрый день! Спасибо за предоставленное слово.

Я попытаюсь (чтобы не было полемики между представителями ФОИВ на вашей уважаемой площадке, не было каких-то споров – мы же не на согласительном совещании) где-то на цифрах, а где-то общеконцептуально обрисовать подход Министерства энергетики ко всей этой тематике.

Первое. Климатическая повестка в части парниковых газов, бесспорно, является для нас на сегодня одной из самых серьезных. Это серьезный вызов. Мы, энергетики всех ветвей ТЭК (это и электроэнергетика, и угольная, и газовая, и нефтяная промышленность), подходим к этому серьезно. И еще раз говорю (я на всех площадках говорил неоднократно и сегодня повторю): целевые показатели, которые закладываются на сегодня для Российской Федерации, в части именно электроэнергетики, угольной, газовой, нефтяной промышленности весь ТЭК будет выполнять, какая бы цель ни была. Та цель, которая поставлена на сегодня, нами будет достигнута, и я расскажу, какими путями.

Первое (начну, наверное, с этого). Одна из основных, скажем так, связующих и проходящих через весь проект федерального закона, который сейчас предлагается к рассмотрению, идей – это появление статистики (статистики нет в стране, сколько же этих парниковых газов – много, мало). Чтобы определить какую-то цель, нужно, наверное, сформировать какую-то базу и понять, от чего мы отталкиваемся, делаем шаг вперед.

Вот на сегодня в электроэнергетике с 2014 года подобная статистика есть. Как только возник вопрос Киотского соглашения, мы для себя эту статистику сформировали. Может быть, она не так идеальна, она может быть подвержена критике, но она существует и является в стране на сегодня одной из пилотных. Поэтому мы передадим все эти показатели уважаемым коллегам для анализа. Возьмите, мы не держим их только у себя.

В соответствии с этой статистикой (еще раз – по электроэнергетике) мы сократили выбросы парниковых газов по электроэнергетике страны почти на 6 процентов, на 30 млн тонн. Это при росте выработки электрической энергии в последние годы, при незыблемости доли угля. Повторю: в общем топливном балансе в электроэнергетике 14 процентов – это уголь. Показатель колеблется в последние пять лет – плюс-минус 1 процент. Если взять 10-летний разрез, то есть снижение по углю. Но мы берем специально статистику за тот период, о котором комфортно говорить – что мы не изменили структуру потребления первичного топлива в электроэнергетике. Это очень важный момент. Было 14 процентов – 14 процентов на сегодня и остается. Показатель по парниковым газам упал.

Параллельно с этим мы сократили выбросы загрязняющих веществ. На 15 процентов по электроэнергетике за последние пять

лет выбросы загрязняющих веществ (туда же входит и метан, который у нас является климатообразующим газом, гораздо более климатообразующим, чем CO_2) сократились. Выбросы загрязняющих веществ – минус 15 процентов. Это статистика за пять лет. Точка.

С помощью каких мер мы этого достигали? Здесь векторы разнонаправленные, скажем так.

Естественно, это подходы нефтяной и газовой отраслей, и в первую очередь – утилизация выбросов попутного нефтяного газа. Здесь есть определенный прогресс – минус 10 процентов.

Далее – появление идеологии и резкое увеличение объемов использования газомоторного топлива. За последние пять лет – плюс 65 процентов. Значима эта величина или нет (в течение пяти лет) – не знаю, мне кажется, комфортнее оценить вам. Мы считаем, что это явно позитив, это заметно, это шаг вперед.

Далее – электроэнергетика. Здесь, наверное, я даже не буду цитировать первых лиц государства, а буду основываться на наших цифрах. Скажу так: мы считаем, что на сегодня 85 процентов установленных мощностей в электроэнергетике – это уже низкоуглеродное производство энергии. Это гидростанции, атомные станции, и, как ни странно звучит, тепловые электрические станции. Почему?

Если мы, имея подобный актив, умеем правильно им управлять, правильно его загружать, оптимизировать (самое простое – убрать что-то старое, поставить что-то новое, желательно – недорогое, но недорогого сегодня... без комментариев), если мы можем правильно и рачительно обходиться с тем, что есть, и достигать определенных результатов, влияющих на климатическую повестку, на исполнение целевых показателей позитивно, мне

кажется, странно этим не оперировать, не озвучивать это, в том числе и на международной площадке.

О тепловых электрических станциях. На сегодняшний день они являются хребтом электроэнергетики и тепловой энергетики – практически 68 процентов всей электроэнергии страны вырабатывают тепловые электрические станции. Еще раз: доля газа – 75 процентов, доля угля – 25 процентов, если мы считаем без учета гидро- и атомной энергетики, а если считаем с гидро- и атомной энергетикой, то угля – только 14 процентов, повторю еще раз, при том что, я так понимаю, целевой показатель по мировой угольной энергетике – 25 процентов. Мы практически вдвое уже перевыполнили. Это есть, и от этого нельзя отказываться, на это нельзя смотреть... не смотреть, а переключать внимание на идеи, которые нам предлагаются как основополагающие (но к этому я подойду чуть позже).

Еще раз: при неизменности структуры установленных мощностей, при этом, да, появлении нового, модернизированного оборудования, появлении парогазовых установок (ГТУ-ТЭЦ в первую очередь), то есть с резким ростом КПД производства энергии, мы снизили удельные расходы топлива на сегодня, за последние 10 лет, почти на 8 процентов (по-моему, на 7,8 процента). Удельные расходы топлива на производство электрической энергии снижены. Выработка выросла, но... Машина, проезжая 100 километров, когда-то съедала 10 литров бензина, а сегодня съедает 9 литров бензина, а значит, и количество загрязняющих веществ, количество парниковых газов на эквивалентную величину выбрасывает меньше. Если мы умеем этим оперировать, если мы умеем с этим работать, наверное, по меньшей мере имеет смысл рассмотреть целесообразность дальнейшей динамики и в нашу

климатическую повестку в том числе вкраивать, вплетать инструменты энергоэффективности. Мы считаем на сегодня это одним из основных инструментов для тепловых электрических станций.

Немаловажный момент, который я подчеркивал неоднократно и подчеркну на вашей уважаемой площадке, — это производство тепловой энергии. В силу климатических особенностей нашей страны (вряд ли кто-то скажет, что у нас теплая страна, нет, на львиной доле территорий средняя годовая температура — с отрицательным знаком) мы производим очень много тепловой энергии. На чем это можно произвести? На сегодня человечество умеет это делать только на тепловых электрических станциях. Да, есть электробойлеры, но это крайне дорого, это крайне незначительный объем. Встречается это в том числе и в Европе очень точно и очень локально. И, конечно, это котельные — некомбинированные источники производства энергии. Треть всего тепла в стране производит электроэнергетика, две трети — некомбинированные источники — котельные с эквивалентным влиянием на выбросы как загрязняющих веществ, так и парниковых газов.

Далее. Если у нас есть уже обкатанная статистика, если мы, оперируя этой статистикой, ставим себе цели на будущее и эти цели позволяют нам достичь (мы считаем, что они позволяют это сделать) целевых показателей по выбросам загрязняющих веществ и парниковых газов (мы сегодня парниковые газы обсуждаем), при этом минимизировать влияние на предельный индекс платы граждан, тарифные решения по электрической и тепловой энергии... мы исходим из того, что полной либерализации в части тепла и электрической энергии как для населения, так и для

промышленности в нашей стране не произойдет в ближайшее десятилетие. То есть тарификация будет существовать, индекс платы граждан будет сдерживаться. Мы социально ориентированное государство, и электро- и теплоэнергетика, весь ТЭК – бесспорно, часть этой системы.

В завершение своего выступления хотел бы сказать, что Минэнерго России принимало непосредственное участие в разработке данного проекта федерального закона. На сегодня он согласован, то есть в существующей редакции он согласован. Каким-то препятствием, каким-то сдерживающим фактором для выполнения целевых показателей данный проект федерального закона мы не считаем. И мы считаем появление таких мер, как углеродный налог, торговля углеродными единицами, для нашего ТЭК преждевременным на сегодня. По меньшей мере это требует всесторонней оценки, моделирования с оценкой влияния на индекс платы граждан за тепловую и электрическую энергию. Если таких рисков нет – хорошо. Давайте рассмотрим их все вместе.

Абсолютно правильно сказано, что в прогнозе социально-экономического развития, подготовленном коллегами из Министерства экономического развития, есть прогрессирующая шкала роста тарифов на электрическую энергию. Но это всего лишь прогноз. Да, это важный документ, но это не тарифное решение в режиме онлайн.

Например, есть и другие идеи (и при этом эти идеи предлагаются коллегами на сегодня в энергетическую стратегию, которая также будет утверждена постановлением правительства) – ограничить рост стоимости электрической энергии для конечного потребителя на уровне ноль, то есть инфляция – минус.

Идей много. Они все социально ориентированные. Препятствием для достижения целевых показателей по парниковым газам для нас, для ТЭК, это являться не будет.

Если кратко, то всё. Готов ответить на вопросы.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо.

Вопросы есть? Кратко только.

Виктор Иванович, пожалуйста.

В.И. НАЗАРОВ

Постановлением правительства от 2015 года № 890 была предусмотрена концепция размещения на автозаправочных станциях оборудования для зарядки электромобилей. Прошло четыре года, но, к сожалению, до сегодняшнего дня этот вопрос не решен. Мониторите ли вы эти вопросы? И как вы планируете дальше развивать эту тематику?

К 2025 году электромобили уже практически сравняются по стоимости с автомобилями, которые сегодня работают на топливе. В принципе это очень близкая перспектива, которую нужно обеспечить вот такими комплексными мерами, чтобы эта тема развивалась. Что сегодня делает министерство в этом плане?

П.М. БОБЫЛЁВ

Спасибо за вопрос.

Я отвечу даже более развернуто. Может сложиться впечатление, что я намеренно не затронул оборудование в части возобновляемых источников энергии. Просто в своем выступлении я хотел об этом сказать в последнюю очередь, в том числе полагая, что будут вопросы, связанные с чем-то новым, перспективным, прорывным. ВИЭ и электротранспорт, бесспорно, являются частью этого.

Министерство энергетики Российской Федерации уделяет внимание и возобновляемым источникам энергии (начну с ВИЭ, а затем перейду к электротранспорту). Программа поддержки у нас есть. Объем ВИЭ в нашей стране на сегодня, по нашим прогнозам, планам, стратегиям, не является основополагающим, ни в коем случае, на сегодня – нет.

Еще раз: поскольку достигаем целевых показателей, пока очень аккуратно, очень внимательно, всесторонне оцениваем, сколько для потребителя это будет стоить.

Теперь об электротранспорте. Электротранспорт – это для нас, бесспорно, позитив. Это тоже прорывная технология, она нужна, она обкатывается в Европе. Но мы отдаем себе отчет в том, что это изменение географии выбросов, но никак не... Машина едет – и вдруг не жжет бензин совсем. Нет, она его жжет – только на электрической станции, находящейся где-то за городом, вырабатывающей электрическую энергию, со всеми потерями для ФСК и МРСК. Высокая или низкая сторона трансформатора в итоге заряжает автомобиль, и автомобиль куда-то едет. Мы отдаем себе в этом полностью отчет. Если это будет носить массовый характер (именно массовый характер), то влияние этого на выбросы как таковые еще нужно очень внимательно рассмотреть и рассчитать. У нас на сегодня такой аналитики нет. Есть только пример западных стран. Восточные страны тоже в этом участвуют, но в меньшем объеме (не будем забывать о том, что, например, китайская энергетика – угольная энергетика).

Минэнерго следит за этим, скажем так, прорывных целевых показателей пока для себя не ставит.

Допустим, для меня, как представителя отрасли электроэнергетики, чем больше полезный отпуск электрической

энергии, тем лучше. У меня лучше КПД, у меня лучше теплофикационная выработка, то есть снижаются удельные расходы топлива. Здесь правильная вертикаль, правильный вектор с точки зрения снижения выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов. Но с точки зрения массового использования... То есть это соответствующий набор электросетевого оборудования, и есть проблемы, связанные с тем, что эти автомобили (допустим, тот же Tesla, наиболее прорывной на сегодня, который нам часто преподносят практически как ноу-хау) – это мое субъективное, оценочное суждение (я видел ВИЭ, видел видео об этом) – извините, горят совсем иначе.

В общем, вопросов очень много, это все всесторонне надо взвесить.

Мы контроль за динамикой изменений в части зарядки электромобилей на автозаправочных станциях ведем, но цели увеличения показателей в десятки раз для себя пока не ставим.

Надеюсь, я ответил почему. Еще раз говорю: влияние на климат позитивно. Насколько позитивно – такая аналитика на сегодня отсутствует. Выбросов будет больше от ТЭК, на станциях.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо, уважаемый Петр Михайлович.

Я хочу предоставить слово Смилевцу Демьяну Олеговичу, заместителю начальника ФГБУ "РФИ Минприроды России".

Д.О. СМИЛЕВЕЦ

Спасибо большое, Геннадий Иванович.

Добрый день, уважаемые коллеги! Вы знаете, очень много важных вещей уже было затронуто в выступлениях предыдущих ораторов, поэтому, наверное, я чуть-чуть свое выступление сокращу.

В первую очередь о чем хотел бы сказать? Говорили уже о национальной цели. Действительно, мы уже перевыполнили свои обязательства — сократили эмиссию парниковых газов. Правда, Лариса Николаевна приводила цифру 49 процентов, у меня другая — 51 процент (в общем-то, это близкие цифры). И мы не считаем целесообразным форсировать события и ставить какие-то завышенные, слишком амбициозные задачи. Считаем ту цель, о которой говорилось (обеспечить снижение на 30 процентов), достаточно актуальной. Мы эту цель поддерживаем.

Что хотелось бы еще, коллеги, отметить? Много вопросов действительно вызывал тот законопроект, который Минэкономразвития вносился, — о государственном регулировании выбросов и поглощений парниковых газов. По итогам совещания у двух вице-премьеров, по итогам многочисленных дебатов и обсуждений с ФОИВ законопроект был в значительной степени доработан, те вещи, которые вызывали у нас вопросы, в общем-то, исчезли, и сейчас мы его поддерживаем. Сейчас проведены систематизация терминологического аппарата климатической политики, регламентация вопросов отчетности крупных эмитентов парниковых газов, в нем теперь предусмотрено право юридических лиц на реализацию добровольных проектов, которые направлены на сокращение выбросов и рост поглощений парниковых газов, о чем Лариса Николаевна тоже в своем выступлении говорила. Мы это приветствуем и поддерживаем.

Единственное, нам кажется, что этот законопроект еще можно было бы доработать в плане формирования нормативной основы для функционирования комплексной системы учета выбросов и поглощений парниковых газов.

Важным элементом, о котором коллеги в некоторой степени уже говорили, является учет поглощающей способности наших, российских лесов. Прежде всего, это один из ключевых механизмов обеспечения национальной безопасности нашей страны в рамках реализации Парижского соглашения, об этом Владимир Владимирович Путин заявлял, выступая в Организации Объединенных Наций, и все мы это прекрасно понимаем.

И здесь я хотел бы привести пример, связанный с метаном, с учетом метана. По данным российского кадастра выбросов и поглощений парниковых газов, выбросы метана в 2016 году составляли 856 млн тонн CO_2 -эквивалента. И вот после обоснованного пересмотра коэффициента учета метана в общем объеме выбросов парниковых газов этот показатель в отчетности в 2017 году – примерно в два раза ниже (это 406 млн тонн CO_2 -эквивалента). Таким образом, для нашей, российской нефтегазовой отрасли были снижены риски углеродного протекционизма, то есть риски претензий со стороны других стран, связанных с тем, что в нашей отрасли слишком высокий уровень эмиссии парниковых газов.

И, как нам представляется, мы должны решать аналогично задачу и в плане учета поглощений парниковых газов нашими лесами. Минприроды сейчас ведет в этом плане работу, есть разногласия между научными организациями – ВНИИЛМ, Институтом глобального климата и экологии и рядом других организаций. Мы 26 сентября проводили в министерстве установочное совещание под руководством заместителя министра, обсудили вопросы. И на 11 ноября у нас было намечено очередное совещание, но, к сожалению, заместитель министра Логинов Владимир Григорьевич у нас больше не трудится. Сейчас новый

заместитель министра приступил к исполнению обязанностей, и мы надеемся, что в ближайшее время это совещание организуем, потому что вопрос не терпит отлагательства. Уже нужно каким-то образом разногласия между нашими учеными снимать и двигаться дальше в этом направлении.

В целом хочется отметить, что уже реализуются добровольные проекты. Мы знаем, РУСАЛ реализует проекты в Красноярском крае, многие наши крупные компании заинтересованы в реализации таких проектов. Следует отметить и реализацию федерального проекта "Чистый воздух", и реализацию федерального проекта по наилучшим доступным технологиям. То есть системная работа в этом плане ведется.

Спасибо большое за внимание.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо.

Демьян Олегович, проект рекомендаций Вы, наверное, уже просмотрели?

Д.О. СМИЛЕВЕЦ

Бегло.

Г.И. ОРДЕНОВ

Там очень много предложений именно относительно лесного хозяйства. Одно из них – это разработать законопроект о поглотительных инвестициях, чтобы наши производители, которые оставляют углеродный след, могли бы, допустим, компенсировать его высадкой лесов. Как Минприроды к этому относится?

Д.О. СМИЛЕВЕЦ

Геннадий Иванович, полностью поддержим такой возможный законопроект, потому что как раз, как я и упоминал, у нас многие заинтересованы в реализации добровольных проектов. И, если это

будет положено на бумагу уже на законодательном уровне, я думаю, стоит поддержать это начинание.

Г.И. ОРДЕНОВ

Хорошо, спасибо.

Вопросы еще, пожалуйста. Нет вопросов.

Д.О. СМИЛЕВЕЦ

Спасибо большое.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо. Присаживайтесь, пожалуйста.

Слово предоставляется Дмитрию Геннадьевичу Кузьмину, сенатору от Кемеровской области.

Д.Г. КУЗЬМИН

Добрый день, уважаемые коллеги! Как уже было сказано, подписание Парижского соглашения – это решение стратегическое, которое имеет долгосрочный характер. Сегодня уже было сказано о том, что ратификация этого соглашения носит очень важный финансово-экономический характер для нашей страны, позволяет двигаться нам в русле низкоуглеродного тренда, снижать выбросы. И, наверное, одним из важных моментов является то, что это повышает конкурентоспособность нашей продукции.

Наряду с экономической составляющей я бы еще отметил, что здесь есть и имиджевая составляющая. Это как раз позволяет нам производить продукцию, которая может быть маркирована так называемым зеленым маркером, и на сегодняшний день этот тренд и в мире, и в Европе достаточно активно развивается. И так называемая партия "зеленых", которая на сегодняшний день уже начинает приобретать в том числе и политический вес (и мы можем это проследить на примере Германии), говорит о том, что мы находимся в том тренде, когда произведенная продукция, которая

соответствует экологическим стандартам, будет восприниматься обществом более правильно, будет конкурентоспособной и будет иметь однозначные перспективы относительно другой продукции. Поэтому участие России в этой повестке, безусловно, является важным и в этой части.

Также я хотел бы отметить один нюанс, о котором сегодня тоже здесь говорили, — это вопрос поглощающей способности наших лесов. Уже много было в принципе об этом сказано, но буквально пару цифр я все-таки приведу. По той статистике, которая сегодня у нас есть, почему-то поглощающая способность наших лесов в 1,5 раза ниже, чем в Финляндии, в 2,5 раза ниже, чем в США, и в 5 раз ниже, чем в Германии. Хотя с точки зрения ресурсов у России сегодня 20 процентов мирового леса, мы являемся крупнейшей страной, и это в целом почти в три раза больше, чем в Канаде или США, и в два раза больше, чем в Бразилии. И в этой связи как раз у экспертного сообщества возникает вопрос: как же так — мы обладаем такими значительными ресурсами с точки зрения массивов и в тоже время имеем показатели, которые не позволяют нам еще более успешно реализовывать намеченные цели в рамках Парижского соглашения?

Здесь есть ряд аспектов (и эксперты уже об этом сказали). Один из моментов — это все-таки анализ того, чем мы сегодня обладаем. И в этой связи мне хотелось бы привести пример того, как в своем регионе мы подошли к решению этого вопроса. По инициативе нашего губернатора Сергея Евгеньевича Цивилёва у нас была оцифрована полностью территория нашего реликтового бора, который является фактически "легкими" города Кемерово. Этому бору несколько сотен лет. И я хотел бы сейчас показать короткий

(буквально на одну минуту) ролик о том, что мы сделали и как это можно использовать.

Включите, пожалуйста. *(Идет демонстрация видеоролика).*

Коллеги, я специально не стал комментировать, потому что на самом деле здесь все понятно.

На сегодняшний день мы понимаем, что на территории нашего бора находится порядка 250 тыс. деревьев (точность – 5 сантиметров). Мы понимаем, каких они размеров, какое чем болеет, условно говоря, и как правильно в дальнейшем нам вести работу, для того чтобы мы могли сохранить природные особенности этого бора и чтобы он работал на благо наших граждан.

Это, по большому счету, лишь маленькая часть того, что мы сделали. И, мне кажется, если бы подобную работу мы провели на территории всей нашей большой страны, мы точно понимали бы, какие леса у нас пригодны и как нам управлять этим механизмом, для того чтобы достигать тех целей, которые мы поставили.

Отдельно хотел бы остановиться на вопросе, который в принципе сегодня затрагивался, и мы говорили о том, что его уже сегодня нет, – это так называемый углеродный сбор, который, по большому счету, является, наверное, важной составляющей с точки зрения бизнеса.

Если мы говорим о ТЭК, то в ТЭК ситуация простая. Если мы берем крупный объект, допустим, два года мы его проектируем, три года строим – пять лет у нас проходит. Вместе с этим мы делаем бизнес-план, мы понимаем, каким образом у нас будет реализовываться эта модель. И если на этапе, когда мы объект построили, у нас возникают различные риски по каким-либо платежам, то это на сегодняшний день прежде всего останавливает инвестора для принятия решения по этому вопросу.

Я считаю, что для реализации всей программы нам необходимо выполнять ряд мероприятий, как уже было сказано, по энергоэффективности, по переводу транспорта на газомоторное топливо. Мы должны больше внимания уделять когенерации, по возможности закрывать старые котельные, так называемые кочегарки, и делать это на современном уровне. И на сегодняшний день в Кузбассе реализуется новая экологическая доктрина "Чистый уголь – зеленый Кузбасс". Мы говорим о том, что на самом деле можно делать и производство угля экологически чистым. И есть сегодня большое количество современных станций, которые по своим выбросам соответствуют станциям, которые работают на газу. У меня всё.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо большое.

Дмитрий Геннадьевич, Петр Михайлович, представитель Минэнерго, уже развеял частично тучи, Вы помогли в этом. Но все-таки в том, что касается парникового эффекта, все сегодня хотят сделать крайним уголь. И экономисты в связи с этим говорят, что у угольной отрасли не за горами экономический финиш. Каково ваше отношение, кемеровчан, к этому вопросу?

Д.Г. КУЗЬМИН

Этому вопросу на самом деле у нас уделяется большое внимание. Мы понимаем, что Кузбасс – это самый крупный угольный регион. Там 60 процентов всего угля и 80 процентов коксующегося. Это ровно то, что производит Кузбасс.

В августе прошлого года на заседании комиссии по ТЭК в городе Кемерово, в котором участвовал президент страны, рассматривались различные вопросы, касающиеся именно развития этого комплекса. И было отмечено, что Россия сегодня третья в

мире – порядка 200 млн тонн мы экспортируем. И это как раз тот ресурс, который мы должны использовать, для того чтобы мы могли наращивать свой экспортный потенциал. То есть никто угольную отрасль не списывает. Вопросы, связанные с тем, что это неэффективно, что это грязно, поднимаются в интересах определенных игроков на этом рынке, для достижения ими своих конкретных целей. Мы для себя четко понимаем, что мы это направление будем реализовывать как на внутреннем рынке, так и на внешнем.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо.

А.В. ЯЦКИН

У меня вопрос. Можно?

Г.И. ОРДЕНОВ

Да. Пожалуйста.

А.В. ЯЦКИН

У меня вопрос скорее не к Вам, а к представителю фонда Минприроды.

Демьян Олегович, в контексте ваших предложений в части поглотительных инвестиций и углерододепонирующих лесов как вы видите предложение сенатора от Кемеровской области об оцифровке каждого дерева?

Д.О. СМИЛЕВЕЦ

Мы полностью поддерживаем.

А.В. ЯЦКИН

Как-то сформулируйте в письменном виде эту позицию для кемеровчан, хорошо?

Д.О. СМИЛЕВЕЦ

Хорошо.

А.В. ЯЦКИН

С учетом прихода нового замминистра Румянцева (наверное, он будет этим заниматься), чтобы кемеровчан поддержать в этом деле. Спасибо.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо, Дмитрий Геннадьевич.

Борис Николаевич Порфирьев по-прежнему отсутствует.

Тогда я предоставляю слово Юлкину Михаилу Анисимовичу, генеральному директору АНО "Центр экологических инвестиций".

М.А. ЮЛКИН

Спасибо большое.

Прошу включить презентацию.

Учитывая, что на самом деле практически все (многое) уже было сказано, давайте остановимся на этом слайде.

Совсем недавно были получены результаты анализа состояния вечной мерзлоты в России. Анализ показывает, что она уже практически начинает таять, до конца века она будет таять очень быстро, и к концу века границы вечной мерзлоты отойдут существенно дальше на север. Уровень несущей способности грунтов на Ямале уже к 2025 году снизится процентов на 25 (а по некоторым оценкам – до 50). К 2100 году ледники и снежные покровы могут оттаять на 3–4 метра. Это те потенциальные риски, которые связаны в России с быстрым изменением климата, или быстрым глобальным потеплением, что, собственно говоря, и отличает нынешнее глобальное потепление от всех тех, которые происходили ранее. Потенциально это может отразиться на состоянии российской инфраструктуры за Уралом, в Сибири и на Севере. По оценкам, ожидаемый экономический ущерб только от таяния вечной мерзлоты – примерно 2 млрд долларов в год.

Следующий слайд, пожалуйста.

Это глобальные оценки экономического ущерба, тоже связанные с увеличением количества стихийных бедствий в глобальном плане в связи с глобальным изменением климата. Пока что экономический ущерб оценивается где-то в районе 1,2 трлн долларов в год, что примерно соответствует 1,5 процента глобального ВВП. Прогноз на будущее – до 3 процентов глобального ВВП, в наиболее уязвимых странах – до 11.

Буквально вчера мне на глаза попался совсем свежий аналитический материал The Economist Intelligence Unit, в котором говорится, что к 2050 году по причине изменения климата – главным образом стихийных бедствий и повышения уровня Мирового океана – глобальная экономика недополучит 8 трлн долларов США, или примерно 3 процента, но в мире на разных территориях экономический ущерб будет неравномерным. Самый большой ущерб в этом смысле понесут африканцы, которые будут терять примерно по 5 процентов ВВП ежегодно, Россия – тоже 5 процентов ВВП, а вот в США ожидаемый экономический ущерб от изменения климата, наоборот, окажется минимальным.

Следующий слайд, пожалуйста.

Это оценки тоже прелюбопытные, связанные с изменением уровня Мирового океана. То есть если затопит значительную часть прибрежной территории, то глобальный экономический ущерб составит 13 трлн долларов в год – это недополученный ВВП.

О том, что происходит с российской криосферой, я уже говорил. 2 млрд долларов ежегодно – это по минимальной оценке, если не "поплывут" города. Если города "поплывут", то я даже боюсь говорить о сумме экономического ущерба.

Следующий слайд, пожалуйста.

Цели и задачи Парижского соглашения, наверное, всем известны. Это не только 1,5–2 градуса – удержание прироста глобальной температуры, это еще (в той же статье 2 Парижского соглашения) обеспечение перехода на низкоуглеродный путь развития, и в той же статье 2 (подпункт "с" пункта 1) – реорганизация финансовых потоков с целью приведения их в соответствие с переходом к низкоуглеродному и климатически устойчивому развитию. Поэтому никакого противоречия между Парижским соглашением и целями устойчивого развития нет. Парижское соглашение – как раз об устойчивом развитии в условиях меняющегося глобального климата.

И очень важный момент. Там же как цель формулируется? Если мы хотим удержать температурный прирост, нам надо перестать наращивать концентрацию CO₂ в атмосфере (не только CO₂, но и других парниковых газов). Это значит, что начиная с какого-то момента мы не должны выбрасывать вообще ничего или выбросы должны равняться поглощениям. По некоторым сценариям начиная с какого-то уровня выбросы должны быть меньше поглощений. То есть леса и другие естественные экосистемы должны поглощать больше, чем человечество выбрасывает, для обеспечения динамического баланса CO₂ в атмосфере и выведения оттуда избыточного. Это тоже прямо записано в тексте Парижского соглашения. Поэтому, когда мы находимся сегодня с учетом наших лесов на уровне 50 процентов, а ставим себе планку 70 процентов, то в эту сторону мы не движемся, и это надо, мне кажется, хорошо понимать, мы движемся в противоположную сторону. Нам надо выбросы сокращать, а мы их предполагаем наращивать.

Следующий слайд, пожалуйста.

Это те заявления, которые уже были сделаны многими странами на период до 2030 года, но многие из них уже пересматривают. Это условно можно назвать "фактором Греты" (некоторая такая возгонка). И появление термина "климатическая чрезвычайная ситуация" (climate emergency) заставляет многие страны пересматривать свои намерения на 2030 год в сторону более жестких параметров.

Следующий слайд, пожалуйста.

Это те стратегии, которые уже заявлены на сайте Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Как ни странно, но некоторые из этих стран уже свои стратегии пересматривают.

Дальше. Это, мне кажется, гораздо интересней. Это такой парад стран, которые заявляют о том, что они к 2050 году достигнут уровня климатической нейтральности, то есть ситуации, когда выбросы равны поглощениям, иногда с учетом возможностей рыночного механизма по статье 6 Парижского соглашения, которая предусматривает возможность передачи углеродных единиц от страны к стране. Всего таких стран сегодня 66 (по результатам климатического саммита в Нью-Йорке, который был 23 сентября этого года). 66 стран, 10 регионов, 102 города и 93 компании заявили о том, что они будут климатически нейтральными к 2050 году.

Следующий слайд, пожалуйста.

Это бюджеты выбросов. Это доклад МГЭИК 2018 года о том, какой у нас остался бюджет, то есть возможность выбрасывать в атмосферу CO₂, если мы хотим удержать глобальное потепление в заявленных в Парижском соглашении объемах. Если мы хотим идти по траектории 2 градуса, то 1 170 миллиардов (но это включая 2018 и 2019 годы). Если мы знаем, что человечество выбрасывает примерно 55 млрд тонн в год, — значит, надо 110 миллиардов отсюда вычесть.

В итоге получается 1 трлн тонн – более или менее. Это то, что мы можем себе позволить, если хотим идти по траектории 2 градуса. Если мы хотим идти по траектории 1,5 градуса, то по состоянию на 2018 год было 420 миллиардов, минус 110 – остается 310 миллиардов на эти несчастные шесть лет, за которые, понятно, ничего успеть нельзя. Отсюда идея такая – что мы, конечно, к этому моменту выйдем за пределы этого бюджета, а потом вынуждены будем откачивать углерод – почему я и говорю, что в некоторых стратегиях ситуации, когда поглощения больше выбросов, имеют место. Это как раз то самое, потому что мы не можем за шесть лет убрать выбросы совсем.

Дальше. Об этой формуле я рассказывать не буду, она просто дает основание подумать о том, что, собственно говоря, можно сократить – удельное потребление на душу населения, энергоемкость производства и потребления благ, это углеродоемкость выработки энергии, углеродоемкость, не связанная с выработкой энергии.

Что здесь можно свести в ноль? Понятно, что не это, а только это. Вот и все. Причем что касается энергоемкости производства и потребления благ – тут есть, конечно, хитрый момент, потому что человечество норовит потреблять больше, если энергия не является ограничивающим фактором. То есть G есть некоторым образом функция от E , поэтому снижение только одного E в ноль ситуацию не выводит, остаются перевод энергетики на неуглеродные источники энергии и сокращение выбросов в углеродоемких отраслях – типа металлургии, производства цемента.

И то, что мы сегодня наблюдаем в мире, – это активное освоение новых технологий, в частности связанных с производством цемента без использования углерода вообще. Это переход на водород. Если хотите, я могу отдельную лекцию прочитать о том, где и кто

занимается сегодня созданием новых металлургических производств без использования углерода в принципе.

Дальше. На самом деле главный для нас сюжет — это энергетический переход. Ссылаемся на тот же самый доклад МГЭИК прошлого года. Если мы хотим обеспечить достижение целей Парижского соглашения, мы должны резко увеличить долю возобновляемых источников энергии и отказаться от источников, связанных с ископаемым органическим топливом.

Дальше. Это то, что происходит в мире в последнее время. Мне кажется, вполне характерный график. За последние 10 лет в возобновляемую энергетику — вообще в "зеленую" энергетику — вложено примерно 3 трлн долларов. Из них только за последние три года — 1 триллион. В основном инвестиции идут в солнечную энергетику, ветроэнергетику, энергоэффективность.

Это график, который показывает соотношение ввода в строй по миру дополнительных новых источников энергии. Это традиционные невозобновляемые, и это возобновляемые. Начиная с 2012 года по объему ввода невозобновляемые источники проигрывают возобновляемым. В 2018 году на каждый мегаватт мощности невозобновляемых источников энергии приходилось 2 мегаватта возобновляемых, что вполне, мне кажется, говорит о тренде. То есть если мы смотрим на инвестиционный процесс, то уже непонятно, какая энергия традиционная, а какая инновационная. То есть на уровне инвестиций выбор сделан в пользу именно "зеленых" источников энергии. Это очень быстро меняет картину мира.

Дальше. Я взял намеренно, наверное, самый радикальный прогноз, хотя он состоит из трех разных референтных сценариев. Это прогноз Greenpeace, который был сделан еще семь лет назад и

который показывает, что к 2050 году невозобновляемых источников в балансе не останется вообще.

Это график потребления нефти и угля – наиболее важных, мне кажется, для России в этом смысле продуктов. Довольно резкое снижение спроса на нефть будет связано не столько с развитием энергетики, сколько с электрической мобильностью. Сегодня, по моему, не осталось ни одной крупной компании, которая не объявила бы о переводе своего модельного ряда на электродвигатели. То есть историю ДВС на самом деле можно считать практически закончившейся. Не говоря уже о том, что во многих странах, регионах и городах вводятся запреты на использование ДВС в новых автомобилях. Нельзя продавать новый автомобиль, если он на ДВС, – можно только электрический. Электрические автомобили бывают заряжаемыми от сетей, о чем сегодня говорили, и бывают водородомобили – это тоже электромобили, только со встроенной системой производства электричества за счет химической реакции водорода.

Дальше. Уязвимость для России – тоже понятно. Мы являемся крупнейшей энергетической державой, по объему экспорта всех видов ископаемого топлива нам равных нет. Но обратная сторона медали – 2 млрд тонн выбросов в год CO_2 -эквивалента мире, связанных с нашим топливом. И все наши потребители – это участники Парижского соглашения. Они тоже знают, что в конце у них должен быть ноль, и довольно быстро стараются... Более того, они еще хотят быть, естественно, энергетически независимыми и так далее. Поэтому они активно развивают разные новые направления, связанные с неископаемым топливом, соответственно, создавая проблему не только для России, понятно, но для России по

объективным причинам в большей степени, потому что мы больше всех экспортируем.

Что у нас в производстве связано с экспортом этих ископаемых видов топлива?

Мы экспортируем примерно 45 процентов добываемого угля, то есть потенциально вместо этого ноль. Это значит сокращение производства угля примерно в два раза только потому, что потребителям вовне это будет не нужно. Это не завтра, понятно, но довольно быстро.

Мы экспортируем примерно 30 процентов природного газа, Германия ставит задачу к 2055 году уйти вообще от природного газа (это официально объявленная стратегия).

Если сложить экспорт сырой нефти и нефтепродуктов, то в пересчете на нефть мы экспортируем примерно 70 процентов добываемой нефти. Значит, соответственно электрическая мобильность делает этот объем потенциально избыточным.

Это те угрозы, которые возникают в российской экономике в связи с этим. То есть, получается, с одной стороны, климатические изменения сами по себе создают проблему у нас на Севере, где это все замечательным образом добывается, потому что тает вечная мерзлота, с другой стороны – миру это скоро будет совсем даже не интересно.

Соответственно задача, которая стоит, мне кажется, перед российским руководством, в частности, – это придумать тот альтернативный путь, низкоуглеродный путь, по которому могла бы дальше двигаться экономика России, чтобы обеспечить свою конкурентоспособность в мире и сохранить какие-то позиции на глобальном рынке, который быстро, очень быстро меняется.

Следующий слайд, пожалуйста.

Я не буду комментировать постановление правительства о принятии (или о присоединении) Парижского соглашения. Здесь сделаны, как мне кажется, важные заявления. Только самое важное, мне кажется, не сделано – о том, что продолжение business as usual в этой ситуации невозможно. Мы должны найти способ поменять тренд развития экономики, чтобы она, во-первых, перестала опираться на углеводороды сама, а во-вторых, производила что-то, что было бы конкурентным на международной арене.

Следующий слайд.

Это та несчастная цель, о которой мы все время говорим. Мы находимся вот здесь. Когда мы говорим о цифрах 49 и 50, мы все время должны понимать, о чем мы говорим. 51 – это уровень от 90-го, на котором мы находимся. Соответственно, если мы говорим о сокращениях, это действительно минус 49. Поэтому вы оба правы, только говорили немного о разном.

Но когда цель ставится 70, то это на самом деле фактически увеличение выбросов в 1,5 раза. Если мы видим те глобальные тренды, которые происходят на международной арене, если мы понимаем, что спрос на нефтепродукты, на уголь, возможно, даже в далекой перспективе на газ, будет падать, за счет чего мы, собственно говоря, в 1,5 раза выбросы-то сможем увеличить? Что мы такого производить будем, чтобы в 1,5 раза выбросы увеличить?

Поэтому мне бы казалось, что если мы формулируем задачу в терминах перевода экономики на низкоуглеродный путь, на создание новых конкурентоспособных продуктов, то мы и климатическую цель должны ставить другую – например, в терминах сохранения сегодняшнего уровня выбросов до 2030 года с перспективой снижения к 2050 году, и дальше нужно думать до чего – еще в два раза как минимум, или, может быть, в три раза как минимум, или,

может быть, действительно тоже на уровне климатической нейтральности, учитывая, что Россия действительно обладает большими запасами леса, к которым мы, впрочем, пока не очень рачительно относимся.

Следующий слайд, пожалуйста.

Соответственно, смысл регулирования был бы не в том, чтобы деньги с компаний собрать и в бюджет их направить (да?), смысл регулирования заключался бы в том, чтобы как раз служить таким рычагом: дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир. Вот нам нужна некая точка опоры (это как раз углерод), и, прикладывая к нему этот рычаг, можно было бы попробовать повернуть экономику в другую сторону. Но, для того чтобы повернуть ее в другую сторону, надо создать напряжение в одном месте, там, где мы сегодня выбрасываем, и создать разряженное пространство там, куда мы хотим, чтобы она шла, да? И только в этом случае денежные потоки, финансовые потоки и капитал начинают поворачиваться туда, где ему "не жмет", да? А если ему везде "жмет", то он ничего делать не будет, он будет просто выводить деньги за рубеж, как он это делает сегодня, и мы останемся при своем казенном интересе. Спасибо за внимание.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо большое, Михаил Анисимович. Очень познавательный доклад.

Вопросы есть? Нет.

Я предоставляю слово Нахутину Александру Ильичу, заместителю директора Института глобального климата и экологии имени академика Израэля.

А.И. НАХУТИН

Добрый день! Спасибо за возможность выступить. Вообще-то должна была быть презентация.

Г.И. ОРДЕНОВ

Все презентации у нас есть.

А.И. НАХУТИН

Включите, пожалуйста.

Выступление будет посвящено прояснению некоторых неясных и спорных моментов в методических вопросах и учете выбросов и поглощений парниковых газов.

Если говорить об общих вещах, то, конечно, система мониторинга является важнейшим элементом государственной политики и государственного регулирования выбросов и поглощений и, кроме того, элементом выполнения международных обязательств Российской Федерацией по всем трем действующим международным соглашениям, в которых мы участвуем, — по климатической конвенции, Киотскому протоколу, а теперь и по Парижскому соглашению.

Следующий важный момент — это то, что в отличие от Киотского протокола Парижское соглашение никак не ограничивает зачет поглощения парниковых газов в лесах и вообще любого поглощения парниковых газов при выполнении обязательств. Но при этом учитывается нетто поглощения парниковых газов, и это довольно важный нюанс, потому что, например, у нас при лесных пожарах есть довольно большие выбросы не только CO₂, но и метана, и закиси азота — газов с большим потенциалом глобального потепления, и это тоже входит в учет нетто поглощений.

Ну и, наконец, третий момент — это то, что в климатических соглашениях существует и отработана достаточно жесткая и эффективная система рассмотрения отчетности сторон о выбросах и

поглощениях. Не надо думать, что мы можем заявить всё, что нам хочется, и это так и будет принято.

Следующий слайд, пожалуйста.

Здесь говорилось о том, что в нашей стране отсутствует система мониторинга выбросов и поглощений парниковых газов. Это не совсем так. Такая система есть, другое дело – что в новых условиях Парижского соглашения она, конечно, нуждается в настройке и совершенствовании.

Распоряжением Правительства Российской Федерации о концепции мониторинга предусмотрены (хотя такими словами об этом не говорится, но фактически предусмотрены) три уровня мониторинга – национальный, региональный и уровень организаций.

Состояние дел на сегодняшний день такое. Национальный уровень работает. Он в основном предназначен для обеспечения выполнения международных обязательств по климатическим соглашениям. Ежегодно разрабатывается национальный кадастр выбросов и поглощений парниковых газов, и ежегодно же он представляется в секретариат конвенции. Другое дело – что национальный уровень ориентирован в основном на выполнение международных обязательств и для осуществления и планирования политики государственного регулирования это недостаточно тонкий инструмент (недостаточная детализация по территории, по видам деятельности и по отдельным предприятиям).

Далее предусмотрен региональный уровень добровольной инвентаризации. Это фактически масштабирование национального уровня на уровень регионов. Он задуман как инструмент реализации политики регионами. В настоящее время многие субъекты (вероятно, не все, но многие) регулярно выполняют оценки выбросов и поглощений и разрабатывают свои региональные кадастры.

Наконец, введение третьего уровня – уровня организаций. Концепцией предусмотрено, что мониторинг будет вначале введен для крупных предприятий промышленности, энергетики и транспорта, потом постепенно будет расширен, но тотальным все равно никогда не будет. Это пока тормозится отсутствием закона об углеродном регулировании и соответствующих подзаконных актов.

Кроме того, создаются отраслевые системы. Минэнерго и Минтранс считают необходимым создание таких систем.

Следующий слайд, пожалуйста.

Какие проблемные и спорные вопросы обсуждались в последнее время, в частности применительно к национальному уровню системы?

Во-первых, это включение в национальную отчетность поглощения природными (то есть не подверженными антропогенному воздействию) поглотителями на территории Российской Федерации. Здесь, во-первых, надо сказать, что неантропогенные источники и поглотители не подпадают под действие международных климатических соглашений, в том числе и Парижского соглашения. То есть просто взять и так вот, чохом включить все наши леса, тундры и болота не получится. Во-вторых, неантропогенные экосистемы на территории России не обязательно являются нетто-поглотителями парникового газа из атмосферы. Иногда да, иногда нет. В качестве примера можно привести болота (а болота у нас обширные). Они поглощают CO_2 , накапливают углерод, но в то же время они выбрасывают метан, а метан, как уже было сегодня сказано, – это гораздо более эффективный парниковый газ, чем CO_2 . Поэтому общий баланс болот в лучшем случае нулевой.

Какие здесь у нас есть возможности? Возможно включение в отчетность наших резервных лесов, которые в настоящее время не учитываются, поскольку считаются неантропогенными. Но в этом случае нужно будет отчитываться и убеждать, что в них ведется какая-то деятельность – например, по охране лесов, по борьбе с лесными пожарами и так далее.

Следующей проблемой является учет зарастающих земель. Это реальный резерв. Действительно, на зарастающих сельскохозяйственных угодьях происходит поглощение CO_2 из атмосферы, поскольку растут кустарники, растет лес, это естественный процесс. Однако в настоящее время эти земли не учитываются. Почему? Потому что в национальном кадастре используются данные Росреестра, а Росреестр не переводит (и я думаю, что это решение не самого Росреестра, а, вероятно, каких-то других органов) эти зарастающие сельхозугодья из категории земель сельскохозяйственного назначения, например, в лесные земли.

И, кроме того, статистика по этим зарастающим экосистемам отсутствует. Эта проблема, вероятно, имеет решение, над ней можно работать: можно рассматривать перевод земель в другую категорию, можно какие-то другие пути искать.

Пожалуйста, следующий слайд.

Наконец, третье (это то, о чем здесь сегодня уже говорилось) – это собственно изменение методики учета поглощения в лесах. Для начала надо сказать, что в научной литературе есть очень большой диапазон, очень большой разброс оценок нетто поглощения CO_2 в лесах. Эти оценки не всегда сопоставимы между собой, потому что разный охват, разные экосистемы, разные временные промежутки. Поэтому выдергивание какой-то одной работы из контекста и какие-то глобальные выводы

на ее основе, чем иногда грешат при обсуждении этих проблем, – это, конечно, несерьезный подход.

Те данные, которые в настоящее время представляются в составе национальных кадастров, выполняются по методике, согласованной с методическими руководствами, конвенцией и Межправительственной группой экспертов по изменению климата, ежегодно проходят проверку независимыми группами экспертов в рамках процедур конвенции. Серьезных вопросов к этой методике нет. Долгие годы она отработывалась, и сейчас серьезные замечания отсутствуют.

Предложения по альтернативным методикам, которые должны очень сильно увеличить поглощение нашими лесами, основаны на ошибочном представлении о том, что действующая методика занижает поглотительную способность российских лесов. На самом деле поглотительная способность по CO_2 , рассчитанная на гектар леса, в России больше, чем в Канаде, а Канада – это страна, находящаяся в целом в близких к нам природных, географических и климатических условиях. Да, наша поглотительная способность ниже, чем в Соединенных Штатах, но это и неудивительно: Соединенные Штаты расположены гораздо южнее, и там годовой прирост биомассы лесов просто больше в силу природных факторов. А вот если взять наш Кавказский регион, там поглотительная способность на гектар леса приблизительно соответствует американской. То есть природу не обманешь.

Кроме того, предлагаемые альтернативные методики грешат тем, что они не обеспечены исходными данными для проведения ежегодных расчетов и ежегодного представления кадастров.

Поспешное введение какой-то другой методики, которая давала бы существенно более высокие данные по поглощению

лесами, создает для нас риски. Во-первых, это непризнание представляемых нами данных в рамках международных соглашений. Во-вторых, это политические и репутационные риски, потому что неизбежно и очень быстро возникнут обвинения в сознательном завышении поглотительной способности и сознательном нарушении международных соглашений в части требований отчетности. И, наконец, это может послужить своего рода спусковым механизмом для введения против нас мер углеродного протекционизма.

Все сказанное не значит, что методики не нуждаются в совершенствовании, – совершенствовать их можно и нужно. Делать это надо осторожно и продуманно (знаете, как хорошие шахматисты, которые продумывают на шесть-семь ходов вперед последствия своих действий). Основные усилия могут быть сосредоточены на совершенствовании исходных данных для повышения расчетов поглощения и увеличения точности оценок.

Кроме того, надо сказать в заключение, что у нас есть очень большой потенциал для увеличения поглотительной способности наших лесов. По некоторым оценкам, принятие соответствующих мер в лесопользовании и лесном хозяйстве сможет увеличить наши поглощения в полтора раза и даже больше. И это большое и очень благодатное поле для приложения усилий. Я закончил. Спасибо.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо, Александр Ильич.

Александр Ильич, у меня вопрос (только, если можно, кратко ответьте). Методики мы создаем, мы полагаем, что мы считаем правильнее с альтернативной методикой, – ну а что толку, если международное сообщество это не воспримет?

А.И. НАХУТИН

Международное сообщество наши методики и наши результаты...

Г.И. ОРДЕНОВ

Вы же сами говорите, что в ООН сейчас начнется манипулирование данными и так далее.

А.И. НАХУТИН

Я, наверное, недостаточно точно выразился, потому что спешил, пытался уложиться в регламент. Те данные, которые сейчас представляются, проходят ежегодную проверку независимыми экспертными группами ООН. Они признаются в рамках процедур конвенции и Киотского протокола. Они не вызывают возражений у научной общественности.

Г.И. ОРДЕНОВ

Но тем не менее считают, что в Канаде все-таки поглотительная способность больше, чем в России.

А.И. НАХУТИН

В Канаде меньше, чем в России.

Г.И. ОРДЕНОВ

Есть международные данные, которые говорят: Канада... канадский гектар поглощает больше. Не в целом, не в общем объеме, а гектар леса.

А.И. НАХУТИН

Мы бы с удовольствием эти данные рассмотрели, потому что у нас и у других экспертов...

Г.И. ОРДЕНОВ

В Финляндии тоже выше.

А.И. НАХУТИН

В Финляндии тоже выше, но в Финляндии, извините, нет таких лесных пожаров, как у нас. И, кроме того, наши предприятия

лесного комплекса (некоторые из них) уже жалуются, что им приходится возить лес, пригодный к использованию, за 200–300 километров. То есть это значит, что у нас ситуация с лесовосстановлением, мягко говоря, не очень хорошая.

Г.И. ОРДЕНОВ

Или с управлением лесами.

А.И. НАХУТИН

Да.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо, Александр Ильич.

Я предоставляю слово Нечаеву Игорю Евгеньевичу, председателю Комитета РСПП по экологии и природопользованию.

Пожалуйста, Игорь Евгеньевич.

И.Е. НЕЧАЕВ

Уважаемые коллеги! Спасибо за предоставленную возможность. Я буду краток, чтобы не занимать много времени.

Я представляю Российский союз промышленников и предпринимателей. Мы очень серьезно относимся к вопросу о концепции государственного регулирования выбросов и поглощений парниковых газов, потому что понимаем, что эта концепция имеет важнейшее значение для конкурентоспособности и инвестиционной активности практически всех отраслей российской экономики.

В РСПП представлен практически весь крупный российский бизнес, соответственно, все внимательно следят за той историей, которая происходит в течение всего этого года. Решение Бюро правления РСПП было в январе этого года, и с января мы практически двигаемся по этой повестке с неизменной позицией, пытаясь на всех площадках, включая сегодняшнюю, изложить свою позицию.

Наша позиция заключается в том, что Россия имеет возможность выполнения всех своих национальных обязательств в рамках Парижского соглашения без ущерба для развития экономики и благосостояния населения. По сравнению с подавляющим большинством стран Россия в период с 1990 по 2017 год обеспечила самое большое снижение эмиссии парниковых газов – вот эти 49 процентов, о которых мы говорим, в отличие от других стран. Например, Китай увеличил выбросы в 4,6 раза, Индия – в 3,3 раза, Бразилия – на 22 процента, США – на 2 процента. Евросоюз снизил эмиссию только на 20 процентов. То есть мы лидеры.

И риторика на всех площадках в течение этого года была такой, что мы и дальше должны быть лидерами. Смотрим на все эти рейтинги, на какие-то расчеты, методики и все остальное, не обращая внимания на то, что уже вот эта парниковая повестка является инструментом давления на нас, на нашу промышленность, на нашу экономику и на инвестиционный климат.

У всех свои интересы, и, соответственно, у коллег из западных стран, у западных партнеров тоже свои интересы, это нужно понимать. И они, естественно, используют те методики, которые предназначены для давления на страны, добывающие углеводороды, к которым относится Россия, с целью передела в том числе и мирового энергорынка. Зачастую по этим рейтингам Россия имеет самые низкие оценки, и это свидетельствует только об их необоснованности и неактуальности.

Надо понимать и на каждой площадке говорить о том, что мы мировые лидеры по сокращению выбросов. Мы имеем крупнейшую площадь лесов, поглощающих парниковые газы. Мы обладаем низкой эмиссионной структурой электроэнергетики. Мы приняли Парижское соглашение. Естественно, это вызывает улыбку, особенно

у наших дипломатов, которые ведут переговоры, они говорят: "Нам на это отвечают очень просто: "Мы так и думали, что вы так скажете". Все вы понимаете, что это просто методика влияния, то есть манипуляции. В теории манипуляций обо всем этом хорошо написано, то есть нами пытаются манипулировать.

Что мы предлагаем? Мы не предлагаем и никогда не обсуждали то, что ничего не нужно делать, что нужно сидеть и ждать, когда начнут вводить какие-то санкции, ограничения и так далее, и так далее. Поэтому мы, естественно, согласны с тем законопроектом, который сейчас есть в Правительстве Российской Федерации. У нас имеются определенные новые предложения. Мы их, естественно, высказываем, направляем официальную позицию за подписью президента РСПП Шохина. Но ключевые вещи, о которых мы говорим на всех площадках, я хотел бы озвучить здесь.

Первое. Согласно национальному проекту "Экология" существует (и все вы об этом знаете) переход предприятий I категории на наилучшие доступные технологии. Что это значит? Это значит, что к 2025 году все предприятия I категории должны получить комплексные экологические разрешения и внедрить наилучшие доступные технологии с точки зрения сбросов, выбросов и отходов соответственно. Иначе они не получают эти разрешения и не смогут работать законно.

Так вот, на сегодняшний день нигде — ни в одном законодательном акте, ни в одном законопроекте, ни в одном ведомственном акте — не написано о том, что нужно собирать все эти данные... То есть предприятия уже сейчас планируют инвестиционные программы, и, соответственно, до 2025 года время пролетит быстро, и всем уже понятно, что будут делать для улучшения экологической ситуации. Так вот, ни в одном документе

сегодня не написано о том, что нужно эти данные по крайней мере запросить, собрать и где-то начинать учитывать. Все эти мероприятия экологической направленности. И, как вы знаете, те парниковые газы, которые наносят вред окружающей среде, частично у нас уже регулируются, и в принципе их можно учесть в рамках верификации этих мероприятий.

Я думаю, что, может, в конце этого года, а может, в начале следующего года такая работа будет организована, и тогда мы убедимся в том, что у нас на самом деле очень хорошая перспектива по дальнейшему снижению воздействия на окружающую среду и в том числе появлению новых показателей по климатической повестке.

Второе — это леса, болота, о которых мы уже говорили, то есть то, что не учтено, что тоже нужно учитывать.

Третье, что очень важно, — звучат мнения о том, что уже сейчас нужно заявить... Вы знаете, раз в пять лет амбициозность целей должна повышаться, и, соответственно, нужно уже в этом году заявить более амбициозную цель до 2030 года, чем то, что мы сейчас обсуждали. На самом деле наша позиция очень простая (опять же сошлюсь на национальный проект "Экология"): у нас сегодня нет возможности собрать полную статистику и в автоматизированном режиме собирать все данные по выбросам. Это планируется сделать по первым 300 предприятиям к 2022 году и соответственно по всем остальным — до 2025 года, когда будет поставлена автоматизированная система учета на предприятиях и автоматически все эти данные будут стекаться в Росприроднадзор.

Наше предложение — сейчас не заявлять более амбициозную цель, тем более что мы уже достигли всего, что обещал наш президент, а соответственно через следующие пять лет, получив эту статистику, получив эти данные, собрав те данные, о которых я

говорил до этого, по инвестициям, по поглощающим способностям, уже осознанно заявить новую, амбициозную цель.

В решении говорится о том, что мы за амбициозную цель. Ну, не надо торопиться, мне кажется. Надо сначала верифицировать все, что у нас есть. Я думаю, что там все нормально с цифрами и через пять мы заявим нормальную цель (она, может, будет уже частично выполнена, а может быть, будет полностью выполнена). Но самое главное сейчас — не навредить экономике, не навредить инвестиционному климату, потому что получается, что одной рукой мы развиваем, стимулируем инвестиционный климат, даем налоговые льготы, послабления, еще что-то, какие-то субсидии, в том числе и на экологию, а другой — сами себе перекрываем кислород, заявляя более амбициозную цель, чем потом воспользуются наши коллеги — партнеры на Западе.

В связи с этим хотелось бы отметить важную для защиты социально-экономических интересов России в рамках международной климатической повестки задачу — это полный и объективный учет всех этих показателей, не только в части лесов, но и, соответственно, выбросов парниковых газов и тех инвестиционных проектов, которые уже сейчас запланированы. Ну и дальше, может, создать какие-то стимулы, для того чтобы за счет "зеленых" облигаций (есть программа повышения экологической эффективности в рамках комплексного экологического разрешения, согласно которой в принципе предприятие экологически неэффективное может выпускать "зеленые" облигации) финансировать экологические проекты, в том числе и проекты, связанные... Можно написать, что это экологические проекты, в том числе проекты, связанные... такой-то эффект дает по остальным выбросам, такой-то — по парниковым газам. И это использовать уже

в переговорах с международным сообществом. Совершенно простая история. И, насколько я знаю, Росприроднадзор уже этим занимается — свою автоматизированную систему уже пытается сделать. Спасибо.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо большое.

Игорь Евгеньевич, хотелось бы такой вопрос Вам задать (только дайте краткий ответ, если можно). Минэкономразвития сегодня готовит законопроект о нефинансовой отчетности — там много чего. А если туда включить подсчет CO₂, отчетность по CO₂? Тем более что мировые биржи, в частности, уже готовят документ, и если вы хотите разместить свои акции на лондонской бирже, допустим, — укажите свой вклад в выполнение Парижского соглашения.

И.Е. НЕЧАЕВ

Абсолютно правильное предложение. Мы за учет всех газов, которые эмитируют предприятия. Учет, статистика экономике не вредят — наоборот, стимулируют экономику.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо большое.

Я предоставляю слово Бутманову Антону Алексеевичу, директору по устойчивому развитию ООО "En+ Group".

А.А. БУТМАНОВ

Спасибо большое, Геннадий Иванович.

Уважаемые коллеги! Спасибо большое за то, что сегодня пригласили нас поделиться своим мнением. En+ Group — это вертикально интегрированный производитель алюминия и гидрогенерации. Мы самые большие в мире за пределами Китая,

поэтому для нас вопрос углеродного регулирования в том числе здесь, в России, и на международном уровне крайне важен.

Как вы правильно сегодня сказали, изменение климата — это уже не только экологический вопрос, в настоящий момент это прежде всего вопрос экономики и политики. Необходимо уже перестать смешивать вопросы роли человека в изменении климата, росте глобальной температуры и новых экономических моделей, которые сейчас появляются и развиваются в связи с этим. Также необходимо рассматривать данный вопрос как мощный рычаг экономической и политической борьбы, в которой Россия сейчас не имеет права проиграть.

Как крупнейший международный холдинг, который включает в себя экспортно ориентированный бизнес по производству первичного алюминия, мы в En+ Group очень четко видим те существенные изменения, которые происходят за рубежом, и понимаем, что оставаться в стороне очень опасно для нашего бизнеса и в целом для страны.

В ведущих экономиках мира делается все, чтобы уйти от зависимости от источников ископаемого топлива и от контрактации с партнерами, которые как-то с этим связаны. Вместо этого делается все, чтобы обеспечить себя технологиями, от которых будут зависеть завтра все остальные. Используются и появляются качественные технологии и методологии для манипулирования и управления в рамках этих новых экономических систем, вводятся новые ESG-рейтинги, рейтинги устойчивого развития. В индустриях вводятся новые маркеры для так называемой зеленой продукции, например у нас по алюминию. На биржах commodities появляются уже новые правила: на London Metal Exchange сейчас будет появляться новый маркер для "зеленого" алюминия. Под это банки дают кредиты,

инвесторы вкладывают деньги, клиенты покупают именно уже "зеленую" продукцию (или ту, которую так умудряются назвать за счет этих рейтингов).

Компания En+ Group – участник Energy Transitions Commission, которая объединяет такие компании, как Shell, BP, Unilever, Schneider Electric, с целью формулирования и реализации стратегии по снижению выбросов. Мы присоединились к этой инициативе в том числе, чтобы не просто участвовать, но и давать новые направления, и вести эти направления.

Также летом мы были единственной российской компанией, которая присоединилась к инициативе Организации Объединенных Наций по 1,5 degree (это формулирование стратегии компаний для недопущения роста глобальной температуры в 1,5 градуса), понимания, что во многом эта инициатива сегодня является популистской. Но в тот же момент она отражает нашу цель и intention двигаться в этом направлении.

Еще в 2017 году, когда РУСАЛ запустил свой низкоуглеродный бренд ALLOW (ALLOW составляет всего 4 тонны CO₂ на тонну алюминия, в то время как в Китае это 22 тонны, например), мы поняли, что это наше рыночное возможное преимущество и его нужно использовать. И сразу вслед за нами все мировые лидеры в производстве алюминия (Alcoa, Rio Tinto, Haider) запустили свои линии низкоуглеродной продукции. И сегодня мы конкурируем уже за ключевых клиентов – Mercedes-Benz, Apple и так далее именно благодаря этим параметрам.

У нас в металлургическом сегменте одобрена стратегия декарбонизации, там есть семь целей. И уже сегодня клиенты просят их пересмотреть и установить более жесткие цели, что мы и будем делать в следующем году, к 2030 году.

Более того, в энергетическом сегменте, несмотря на то что это гидрогенерация, установлены мощности 15 гигаватт в Восточной Сибири, уже сейчас мы реализуем программу по замеру выбросов с водохранилищ. Это требуют опять же международная ассоциация гидрогенерации и наши клиенты, потому что это является нашим углеродным следом. Мы модернизируем наши мощности, тратя громадные деньги на замену турбин, для того чтобы вырабатывать больше электрической энергии с тем же объемом воды. И эта программа рассчитана теперь уже до 2046 года у нас в группе.

Но мы понимали, что не все выбросы мы можем свести до нуля. И мы можем двигаться в офсеты, так скажем, лесные офсеты или энергетические офсеты. Я помню, как два-три года назад наши коллеги в компании предложили нам приобрести на Западе как раз эти лесные офсеты. Это был самый простой на самом деле способ, когда мы выходим на рынок, покупаем офсеты, это сразу автоматом зачитывается. И я для международных целей и наших потребителей могу сделать углеродный след своей продукции еще ниже.

Но мы решили, учитывая, что мы российская компания, пойти более сложным путем и в отсутствие углеродного регулирования в России начать переговоры с Рослесхозом, с Минприроды, для того чтобы выстроить эту, скажем так, инфраструктуру и попробовать себя в этом проекте.

Итак, РУСАЛ в 2019 году подписывает соглашение с Рослесхозом, с Иркутской областью и Красноярским краем. Мы высаживаем 1 миллион деревьев (весной – 500 тысяч, осенью – еще 500 тысяч) и обязуемся соответственно продолжить за ними ухаживать. Мы идем в проекты "Авиалесоохраны" и более 500 тыс. гектаров в Красноярском крае определяем. Мы покупаем технику для тушения пожаров, арендуем вертолет, самолет. Мы обеспечиваем

соответствующие территориальные службы ресурсами для этого. Мы обязуемся в 2020 году также продолжать эту работу и сделать из этого достаточно большой и долгосрочный проект.

Итак, это в России становится первым проектом подобного масштаба по восстановлению и охране лесов, который компания реализует в рамках своей стратегии декарбонизации. Обращу внимание: это не благотворительность, это направлено на то, чтобы сделать это частью коммерческого проекта. Но пока он, конечно, в зародыше, с учетом того что у нас отсутствует соответствующее законодательство.

Мы сотрудничаем с Институтом глобального климата и экологии, Санкт-Петербургским НИИ лесного хозяйства, чтобы верифицировать эти выбросы и соответственно чтобы потом мы смогли это зачесть в переговорах с нашими партнерами.

Таким образом, отвечая на вопрос, какие есть сегодня возможности у России, можно сказать следующее. У нас огромные ресурсы (я не буду все это повторять), у нас большие ресурсы с точки зрения в том числе экспорта лесных и энергетических офсетов на рынок. Но другое дело — понять, как, собственно говоря, этими "рэксами" воспользоваться и какая имплементарность может быть систем международных и наших. Но нам для этого нужно занять более активную позицию — быть не воспринимающими, а говорящими и предлагающими.

Для бизнеса это колоссальная возможность. Например, РУСАЛ в 2019 году взял льготный кредит на сумму 1 млрд долларов под цели устойчивого развития. Мы именно договорились и в синдикате определили параметры, где мы были, где мы будем, и там важна динамика. И здесь очень важно, чтобы государство

поддержало (там, где нужно) эти сектора экономики, эти драйверы за счет правильной законодательной инфраструктуры.

Мы, конечно, осознаем и понимаем, что в развитии страны необходимо учитывать интересы всех секторов экономики, их качественные характеристики. Но, поскольку уже выбран этот тренд – на интеграцию нашей экономики в мировые цепочки добавленной стоимости, нам остается работать над скорейшей адаптацией международных механизмов и инструментов, в том числе таких, как цена на углерод. Но понятно, что она должна вводиться в рамках стратегии низкоуглеродного развития, где будут предусмотрены механизмы поддержки в противовес, соответственно, самой цене. Но без цены на углерод у нас нет как такового индикатора, для того чтобы принимать какие-то правильные решения. Поэтому, например, компания "РУСАЛ" вводила исключительно в своих целях внутреннюю цену на углерод, для того чтобы рассмотреть новые инвестиционные решения, которые мы принимаем, и плюс делать соответствующие стресс-тесты в случае, если такая цена будет вводиться.

И также мы понимаем, общаясь с нашими инвесторами и нашим советом директоров (а вы знаете, что это в основном сейчас англичане, они наблюдают за тем, что происходит в России, и за тем законопроектом, который обсуждается, – вводить или не вводить углеродное регулирование, вводить или не вводить закон), что сегодня для нас это огромный риск. Если бы индикатив был определен до 2025, 2026, 2027, 2028 или любого другого года, то это придавало бы стабильность нашему климату как таковому. Сегодня пока ответа на этот вопрос нет, и это вызывает сомнения, и мы вынуждены закладывать в стратегию, в свои риски введение такого регулирования в Российской Федерации. В отсутствие ответа на этот

вопрос мы вынуждены, соответственно, закладывать риски торговых барьеров, например, для нашего бренда – "зеленого" алюминия, который мы производим здесь, но продаем туда.

Собственно говоря, всё. Спасибо большое. Готов ответить на вопросы.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо большое.

Антон Алексеевич, Вы сказали о соглашении с Рослесхозом – очень хороший пример, и еще много идей. Какие могут быть законодательные инициативы, на Ваш взгляд, в части таких проектов, как с Рослесхозом? Вы его в перспективе хотите увидеть коммерческим? Сегодня я его пока не вижу коммерческим, но он сегодня очень полезный.

А.А. БУТМАНОВ

Да, действительно, это важный вопрос.

Прежде всего нам нужны наработки методологии с Рослесхозом по учету, расчетам этих поглощений, и в последующем, соответственно, нам необходим все-таки рынок лесных сертификатов. Мы еще немного далеки от этого, но сейчас мы думаем, как условно их верифицировать, показать, потом, соответственно, зачестить там. Мы думаем, что система зачета... Сегодня мы все добровольно отчитываемся в Carbon Disclosure Project (CDP), такая есть система. И слава богу, пока так. Но, если через три-четыре года речь все-таки пойдет об определенных tax adjustments – торговых барьерах, то я думаю, что мы увидим уже не просто NGO, а в развитие его будут появляться уже определенные механизмы по верификации этих выбросов и зачету. Вот тогда потребуется, соответственно, национального оператора связывать с другими операторами, что, наверное, должно происходить по

сертификатам renewable-energy-сертификатам, по энергетическим сертификатам.

Г.И. ОРДЕНОВ

Понятно. Спасибо.

Ну а в части тех рисков, которые Вы озвучили, я думаю, вам с РСПП нужно активнее работать (вот предыдущий докладчик говорил) – и будет эффект.

А.А. БУТМАНОВ

Да, мы это обсуждаем, конечно.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо.

Я предоставляю слово начальнику Управления аудита и технологической экспертизы Ассоциации "НП Совет рынка" Анфимову Сергею Сергеевичу.

С.С. АНФИМОВ

Здравствуйте, коллеги! Спасибо за предоставленную возможность выступить.

Включите презентацию, пожалуйста.

Предыдущий коллега говорил по поводу сертификации и "зеленых" инструментов. Я коротко по презентации пройду.

Действительно, сейчас углеродный след – это новый инструмент конкуренции на внешних рынках, и "Русский алюминий" – одна из тех компаний, которые сталкиваются с тем, что есть необходимость маркировать продукцию и получать дополнительные конкурентные преимущества на мировых рынках. Потребность в этом есть как у наших компаний, так и у иностранных компаний, которые работают в России, таких как IKEA, Unilever, Mars. Не буду их перечислять, там целый пул этих компаний. Они входят в глобальный клуб RE100 – это те компании,

которые объявили о том, что они свой углеродный след тоже будут сокращать до нуля. Но тем не менее это также новые рынки, которые позволяют продвигать новые технологии, новый спрос на "зеленую" продукцию, на "зеленую" маркировку, и, собственно говоря, рынки достаточно значительные.

Следующий слайд, пожалуйста.

Как учитывается углеродный след? Есть прямые выбросы при производстве продукции, а есть косвенные. Как раз про косвенные энергетические выбросы и хотелось бы поговорить, что они точно так же в состав продукции входят, — углеродные выбросы при потреблении электроэнергии, произведенной в рамках электроэнергетики. Они образуются при производстве электроэнергии, тепла и пара, которые производители в том числе экспортных товаров приобретают у энергокомпаний.

Дальше, пожалуйста.

Это как раз говорит о том, какое место по объему выбросов занимает электроэнергетика. Именно электроэнергетика занимает 23 процента от всех выбросов в нашей стране. Как вы видите, сектор б — это как раз тепло и электроэнергия, и здесь вы видите, что выбросы от тепла даже превышают выбросы от электроэнергии.

Следующий слайд, пожалуйста.

Но при этом (об этом коллега из Минэнерго говорил, и многие здесь говорили) на самом деле энергетика в Российской Федерации уже в целом достаточно низкоуглеродна. Мы видим: она чуть выше, чем в Евросоюзе, но тем не менее ниже, чем мировая энергетика, ниже, чем в Соединенных Штатах. Это за счет того, что в составе российских генерирующих мощностей достаточно большой объем гидрогенерации, достаточно большой объем атомной энергии и, собственно говоря, достаточно большая доля новой, в том числе

газовой, генерации. Это говорит о том, что в части выбросов углерода, точнее — низких выбросов углерода, энергетика Российской Федерации конкурентоспособна по сравнению с мировой энергетикой. Я специально это фиксирую.

Следующий слайд, пожалуйста.

Основная задача — как это конкурентное преимущество российской энергетики в части вторичных выбросов углерода при производстве продукции конвертировать в конкурентное преимущество наших экспортеров. То есть здесь как раз те компании, которые поставляют свою продукцию на внешний рынок. И уже коллега из "Русского алюминия" сказал, что они действительно с этим сталкиваются. Как это обеспечить?

Следующий слайд, пожалуйста.

Собственно говоря, в "Совете рынка" (и уже было такое поручение правительства) была разработана концепция обращения "зеленых" энергетических сертификатов. Что такое "зеленый" сертификат? Это документ, подтверждающий факт выработки электроэнергии на основе возобновляемых источников энергии. Сертификаты выдаются владельцу генерирующего оборудования. Дальше эти сертификаты могут быть переданы потребителю электроэнергии, который подтверждает свое потребление электроэнергии, выработанной на возобновляемых источниках энергии, путем погашения данного сертификата. И погашение этих сертификатов уже при наличии этой системы в стране позволяет отчитываться в международные органы, которые контролируют и присваивают свои в том числе рейтинги по поводу того, "зеленая" или не "зеленая" продукция, в том числе CDP.

То есть мы не изобретаем велосипед — такие системы есть в 54 странах мира. Там достаточно большой оборот, они объединены в

несколько крупных агломераций. Есть в Европе Guarantee of Origin, есть в Америке REC, есть мировая система I-REC этих сертификатов.

Дальше, пожалуйста.

Собственно говоря, что даст введение этой системы для промышленности? Это позволит документально зафиксировать по международным стандартам снижение косвенных энергетических выбросов при производстве продукции. Сейчас можно говорить о чем? 60 миллионов тонн CO₂ в год с учетом выработки крупных ГЭС. То есть это тот объем снижения CO₂ при производстве экспортной продукции, который есть, но нет инструментов в части того, как его правильно заявить на международных рынках.

Теперь о предложениях, о том, что мы предлагаем. В законопроекте, с которого все началось, одно время было (потом, в процессе доработки, все-таки исчезло) понятие косвенных выбросов. Все-таки предлагаем вернуть в него вопрос косвенных энергетических выбросов и отрегулировать порядок их расчета.

Ну и, соответственно, уже в части введения системы обращения "зеленых" сертификатов на законодательном уровне... Поскольку поручение есть, мы концепцию разработали и сейчас совместно с Минэнерго дорабатываем уже принципы. Есть проекты нормативных актов. Работа в этом направлении ведется. Но, именно чтобы "зеленые" сертификаты в энергетике позволяли экспортерам продукции подтверждать свою низкую углеродоемкость, просим в законопроект по углеродному регулированию вернуть косвенные выбросы. У меня всё.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо, Сергей Сергеевич.

Я предоставляю слово директору группы управления операционными рисками и устойчивого развития КПМГ Лукину Владимиру Борисовичу.

В.Б. ЛУКИН

Добрый день, уважаемые коллеги! Благодарю за возможность представить некоторые результаты анализа, который мы проводили достаточно долгое время, работая с крупнейшими российскими и международными компаниями.

Включите, пожалуйста, презентацию. Благодарю. И сразу – следующий слайд.

Я хотел бы для начала вернуться к вопросу о том экономическом и политическом контексте, который сейчас представляет реализация международных инициатив в области изменения климата. Потому что мы достаточно много говорили о внутренних механизмах регулирования выбросов парниковых газов, достаточно много говорили о тех возможностях и рисках, которые существуют в России, но понимать их без общего контекста того, как устроены и как реализуются международные инициативы по предотвращению климатических изменений, достаточно сложно.

На данной диаграмме в самом общем виде представлено то, каким образом устроено движение по предотвращению климатических изменений. Парижское соглашение является одной из инициатив в рамках этого движения (я хотел бы это подчеркнуть). Начало формальным действиям было положено в 1994 году на исторической конференции в Рио-де-Жанейро.

В этом движении существует четыре элемента, которые необходимо выделять и анализировать отдельно.

Первый – это стратегические направления действий, которые в данном случае представлены митигацией, то есть мерами по

сокращению выбросов и увеличению поглощения парниковых газов, и адаптацией, то есть мерами, которые направлены на предотвращение уже существующих климатических изменений и их негативных последствий.

Следующий уровень реализации инициатив — это механизмы. В данном случае мы можем рассматривать три группы механизмов. Механизмов достаточно много (в рамках Парижского соглашения их количество увеличилось по сравнению с "киотским" периодом, можно сказать, в разы), но существуют три ключевые группы этих механизмов. Первые две — это механизмы поддержки инициатив, направленных на предотвращение климатических изменений, и механизмы ограничения выбросов. Эти две группы механизмов, о которых Михаил Анисимович упомянул, создают баланс и общую регуляторную среду в рамках реализации климатических инициатив. И третье направление — это развитие системы мониторинга, отчетности и верификации. Собственно, вот эти три основные группы механизмов создают общий контекст регулирования в рамках реализации Парижского соглашения в самых различных регионах, и во всех странах они учитываются.

Существуют конкретные инструменты реализации этих механизмов, которые включают в себя в том числе международные стандарты по отчетности и верификации выбросов парниковых газов, различные инструменты ограничения, в том числе налоги, квоты и, в частности, упоминавшийся пограничный углеродный налог, который собираются ввести в Европейской союзе, а также инструменты поддержки, которые включают в себя различные механизмы и различные фонды, которые выделяют сейчас значительные средства на реализацию программ по сокращению выбросов и по адаптации.

Пожалуйста, следующий слайд.

На данном слайде представлен собственно основной контекст Парижского соглашения. Я, пожалуй, не буду здесь останавливаться подробно. Скажу, что по всем направлениям, которые обозначены в Парижском соглашении (там два ключевых направления – это митигация климатических изменений и адаптация к климатическим изменениям), существуют достаточно серьезные проблемы, которые связаны с реализацией финансовых механизмов стимулирования этих инициатив. И связаны они прежде всего с обеспечением отчетности и обеспечением доверия к той информации, которая является основой для выделения финансовых средств.

Пожалуйста, следующий слайд.

Если вернуться к контексту международных инициатив по предотвращению климатических изменений, то в историческом ракурсе можно заметить существенные изменения. В принципе весь период с 1994 года по настоящее время можно разделить на два этапа – до Парижского соглашения и после Парижского соглашения. Если те инициативы, которые реализовывались в рамках Киотского протокола, имеют выраженную вертикальную структуру, которая связана с наличием обязательств развитых стран, которые в дальнейшем переходили на механизмы ограничения в рамках законодательного регулирования этих стран и далее уже сопровождалась различными механизмами компенсаций, торговли выбросами и так далее, то в рамках Парижского соглашения парадигма существенно изменилась, и здесь нет уже этой вертикальной интегрированности от обязательств к ограничительным мерам. И ограничительные меры уже не имеют такого значения, как в предыдущем периоде. Почему? Потому что, как показало развитие этих инициатив, то, что делают компании в рамках сокращения выбросов, и то, что требуют потребители, оказывается гораздо более

амбициозным, чем те цели, которые ставит перед собой государство и, собственно, внедряет какие-то механизмы их достижения. Это действительно так. Здесь уже упоминалась инициатива "100 плюс", то есть компании, которые добровольно взяли на себя обязательства и их реализуют, по сути дела, реализуют гораздо больше, чем требуется законодательством.

Пожалуйста, следующий слайд.

Я хотел бы привести здесь два примера. Первый пример – это реализация тех механизмов, которые направлены на поддержку климатических инициатив. И, в частности, на этих диаграммах приведены данные по обзору рынка "зеленого" финансирования. Кратко могу сказать, что основной объем финансов в рамках этого рынка выделяется не государственными фондами, а частными инвесторами. Динамика этого рынка достаточно существенна. На 2018 год, если быть точным, объем этого рынка составил 74 млрд долларов, и все эти деньги были направлены на реализацию проектов, которые направлены либо на сокращение выбросов парниковых газов, либо на адаптацию. Если сравнить это с бюджетом государственного регулирования, который представляет собой различные налоги, различные платежи в бюджет, то эта сумма существенно выше, чем то, что собирается в наиболее развитых странах в части регулирования выбросов парниковых газов. Если взять общий бюджет регулирования, то есть общий бюджет углеродных налогов и сборов, связанных с торговой системой, он составляет порядка 40 млрд долларов, из них на цели сокращения выбросов парниковых газов, в частности, направляется меньше половины. Общий бюджет составляет порядка 16 млрд долларов. То есть на текущий момент даже по этим финансовым потокам виден

приоритет частных инициатив перед теми механизмами, которые предусматривает государственное регулирование.

Следующий слайд, пожалуйста.

Следующий пример – ограничительные мероприятия. Они также остаются в рамках контекста Парижского соглашения. Наиболее актуальный пример – это введение трансграничного углеродного налога в Европейском союзе. Тема эта достаточно активно обсуждается, существуют сторонники и противники этого мероприятия. Основным ожидаемым эффектом от данного мероприятия связан с тем, что, в частности, в рамках Киотского протокола был отмечен перенос "грязных" технологий из стран Приложения 1 в развивающиеся страны. То есть, по сути, углеродоемкость европейских стран была снижена за счет того, что наиболее углеродоемкие переделы производства были вынесены в развивающиеся страны и страны с переходной экономикой. Чтобы избежать этого, был введен некий механизм, который ориентируется как раз на углеродный след продукции, то есть охватывает весь жизненный цикл.

Но есть существенное ограничение для введения этого мероприятия. В частности, оно связано даже не столько с юридическими аспектами, сколько как раз с высокой степенью неопределенности оценки углеродного следа. В части того, что озвучивали предыдущие коллеги – по поводу факторов эмиссии сети в Российской Федерации, – на текущий момент существуют оценки, которые отличаются в разы. Соответственно, в разы отличается углеродный след продукции, и использовать его для каких-то финансовых расчетов на текущий момент достаточно рискованно.

Следующий слайд, пожалуйста.

Здесь представлена история развития климатического регулирования в Российской Федерации. Насчитывает она достаточно большое количество лет и включает в себя серьезные нормативные документы – от Климатической доктрины, которая была принята в 2009 году, до законопроекта, который рассматривается на текущий момент. Пожалуй, за неимением времени я оставляю комментарии по этому слайду.

Следующий слайд, пожалуйста.

Хотел бы уже плавно перейти к рекомендациям и предложениям, которые следуют из нашей работы.

На текущий момент основной риск и основное препятствие для реализации всех возможностей, связанных с низкоуглеродным развитием, в том числе доступа к механизмам "зеленого" финансирования, доступа к рынкам углеродных единиц, представляют собой неопределенность данных и отсутствие скоординированной системы учета, мониторинга и отчетности в том числе по реализации проектной деятельности, направленной на сокращение выбросов, и по оценке углеродного следа. Поэтому основные направления, которые следовало бы предусмотреть при развитии национального регулирования, должны быть связаны с развитием именно отчетности и верификации этих данных. И здесь очень важный момент заключается в том, что необходимо использовать международно признанные стандарты и международно признанные методические подходы к проведению процедур верификации, к отчетности по выбросам парниковых газов, для того чтобы эти данные, с одной стороны, были сопоставимы и позволяли проводить их и определять реалистичные целевые показатели, так же как международным компаниям, с другой стороны – были бы

признаваемы во всех институциональных организациях, которые предполагают регулирование на международном уровне.

Пожалуйста, последний слайд.

Здесь приведены выводы и актуальные, на наш взгляд, направления развития государственного регулирования в рамках реализации Парижского соглашения.

Первое – это разработка и внедрение государственной системы мониторинга, отчетности и верификации выбросов парниковых газов, разработка механизмов поддержки инициатив в области сокращения выбросов парниковых газов и увеличения их поглощения.

Второе – это механизмы реализации проектов, механизмы доступа к инструментам "зеленого" финансирования, развитие локального углеродного рынка и доступ к международным углеродным рынкам и внедрение риск-ориентированного подхода к нормированию и управлению выбросами парниковых газов на корпоративном уровне (это отдельная тема, могу об этом также рассказать).

И третье направление – это разработка механизмов, которые стимулируют сокращение или компенсацию выбросов парниковых газов для наиболее углеродоемких секторов.

В качестве инструментов предполагаются внедрение и использование международных стандартов инвентаризации, отчетности и оценки углеродного следа продукции, использование стандартных методических инструментов и методологий, которые приняты и апробированы в международной практике, обеспечение процедур независимой верификации в отношении отчетности о выбросах парниковых газов, использование обширного опыта реализации проектов по сокращению выбросов, который накоплен в

России в течение "киотского" периода, и внедрение инструментов управления рисками, в частности связанными с изменением климата и реализацией международных климатических инициатив. Спасибо за внимание.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо большое.

Я передаю слово главному советнику Российского офиса Лесного попечительского совета, директору АНО "Центр содействия независимой сертификации минерального сырья и металлов" Птичникову Андрею Владимировичу.

Выступления, доклады мы на этом закончим и затем перейдем к дискуссии.

А.В. ПТИЧНИКОВ

Уважаемые коллеги! Ход обсуждения здесь очень ярко показал, что, с одной стороны, наши обязательства по Парижскому соглашению мы в принципе выполняем. С другой стороны, конечно, есть резерв повышения поглощения парниковых газов, как многие выступающие отмечали, — леса. Это важнейшее направление, и я немного эту тему разовью.

Но вторая тема, которая тоже прозвучала в выступлениях участников, особенно во второй половине, — это необходимость содействия экспортерам, прежде всего нашим, в тех условиях, которые сейчас складываются в результате потенциального введения новых таможенных платежей, связанных с выбросами парниковых газов.

Поэтому в своем выступлении я хотел бы обратить внимание на два основных момента. Прежде всего, в проект закона о государственном регулировании выбросов парниковых газов необходимо каким-то образом ввести статью по лесам, потому что и

постановление правительства тоже ссылается на поглотительную способность лесов, а также в иные документы, может быть, в национальную стратегию низкоуглеродного развития, с учетом уроков лесной отрасли, где сейчас добровольная сертификация охватывает практически всех крупнейших игроков, все крупнейшие компании. Крайне важно стимулировать внедрение международных систем сертификации устойчивости управления, которые будут способствовать выводу продукции компаний на рынок в условиях этих ограничений.

Следующий слайд.

Немного скажу о возможностях увеличения поглощения парниковых газов лесами. Была дискуссия о том, что при введении корректной системы расчета баланса углерода этот объем может возрасти в два-три раза. Много лет ведется дискуссия по этому вопросу, но на самом деле этого же результата можно реально добиться за счет реализации комплекса лесохозяйственных мер по повышению поглощения парниковых газов. Собственно говоря, необходимы меры, которые будут стимулировать переход к интенсивному использованию и восстановлению лесов, а также содействовать реализации государственно-частных или частных лесоклиматических проектов, о которых уже говорил представитель РУСАЛа.

Следующий слайд.

Что касается того, почему у нас все-таки продуктивность лесов ниже. Потому что у нас в стране экстенсивная модель использования лесов. Действительно, в Канаде (наверное, в силу того, что это еще более северные леса, чем у нас) ситуация может быть сравнима с Россией. Но в целом если сравнивать с Финляндией, то средний прирост (то, что прирастает на 1 гектаре) у финнов – 5,5 куб. метра,

у нас в сходных климатических условиях – в Северо-Западном федеральном округе – 2,5. Ну и леса Финляндии парниковых газов поглощают примерно в два раза больше, чем леса Северо-Западного федерального округа. При реализации интенсивной модели использования и воспроизводства лесов в России можно ожидать примерно двукратного увеличения поглощения парниковых газов – естественно, при условии эффективной профилактики лесных пожаров.

Следующий слайд.

Это просто картинка, которая говорит о том, что... Все думают, что у нас в лесу проводится весь комплекс мероприятий. На самом деле это не так. Это фактически скандинавская модель, которая сейчас реализуется в России (она перенесена). Там упор делается на уход за молодняками, на качественное лесовосстановление, на проведение рубок ухода, то есть бóльшая часть древесины выбирается рубками ухода. И за цикл, за оборот рубки с 1 гектара получается выход продукции где-то в 2–2,5 раза выше, чем при той системе, когда у нас провели сплошную рубку, потом сделали вид, что провели лесовосстановление, потом пришли через 100 лет.

Следующий слайд.

Это расчетные показатели по одному из крупнейших наших арендаторов лесов, который показывает эффект (вот здесь кривая – динамика среднего прироста). Это то, что у них, а это то, что на их опытных делянках, – динамика среднего прироста. Как вы видите, существенно более высокие показатели, и с этим коррелирует и поглощение парниковых газов.

Следующий слайд.

Какой потенциал развития этих проектов? На самом деле эти проекты интенсивного использования и воспроизводства лесов стали

уже частью государственной политики. Они были определены для шести лесных районов Российской Федерации (всего площадь – 28 млн гектаров), в настоящее время стартуют в четырех лесных районах. Но внедрение проходит крайне медленно и фактически на энтузиазме этих компаний. Государственных стимулов внедрения и интенсификации нет. Крупные арендаторы, которые внедряют эти методы (это группы "Илим", Mondi и в перспективе несколько холдингов), постоянно говорят: да, это держится только на нашем энтузиазме, хотя здесь есть и эффект с точки зрения увеличения поглощения парниковых газов, и социальный эффект, и экономический эффект (большой выход продукции). Поэтому, конечно, если мы хотим еще увеличить поглотительную способность лесов, надо эти проекты стимулировать, чтобы в перспективе все более или менее крупные и средние арендаторы перешли на них.

Какие проблемы?

Первая – это отсутствие налогового стимулирования проектов. Когда у нас лес передается в приоритетный инвестпроект (есть такое понятие), то арендатор получает скидку 50 процентов с арендной платы. А вот при таких проектах никаких скидок не предусмотрено. Довольно странно.

Вторая – необходимость доработки ведомственных нормативных документов. Да, основные документы разработаны, не так давно были утверждены Минюстом, но осталось еще много мелких доработок. Доработка этих документов ведется недостаточными темпами.

Также требуется обновление тех технологий, которые используются в лесоустройстве.

Ну и самая главная проблема – отсутствует какая-либо поддержка со стороны Рослесхоза программы обучения и

распространения знаний об интенсификации, поэтому обучение и распространение знаний происходят за счет компании.

Ну и предложение – ускорить развитие таких проектов за счет комплекса мер (то ли это в национальной стратегии низкоуглеродного развития, то ли это поручение Рослесхозу) по снятию барьеров на пути таких проектов.

Следующий слайд, пожалуйста.

И еще хочу сказать... Представитель РУСАЛа говорил о лесоклиматических проектах. Да, действительно, компания преодолела определенные бюрократические барьеры и реализует свой проект в Красноярском крае и Иркутской области. Но надо понимать, что таких проектов и до этого было несколько, и все они, скажем так, еле-еле выживают. Собственно говоря, есть проект в Алтайском крае (я думаю, будет выступление по этому поводу), в Приморском крае – два проекта, в Архангельской области. По этим проектам рассчитывалась квота, единицы сокращения выбросов, но она была реализована только в одном случае – при реализации проекта в Приморском крае. Там община "Тигр" смогла сократить выбросы и получить деньги. Почему так происходит? В чем необходима помощь таким проектам, чтобы бизнес, который вкладывает средства в какие-то технологии по посадке леса и лесоразведению, мог получить какую-то компенсацию и чтобы те, кто участвует в этих проектах на местах, тоже могли получить компенсацию за счет единиц сокращения выбросов?

К сожалению, из проекта закона о государственном регулировании выбросов были убраны ранее там присутствовавшие нормы, которые связаны с учетом единиц сокращения выбросов и торговлей. Вот если бы они остались, такие лесоклиматические проекты могли бы получить существенную поддержку со стороны

вот этого фонда. И тем самым убран стимул. То есть компания "РУСАЛ", не только РУСАЛ, многие другие компании хотели бы участвовать, потому что это им нужно для получения кредитов на более выгодных условиях, но они не могут. То есть нет никакой поддержки.

Следующий слайд, пожалуйста.

Здесь собраны наши предложения. Все-таки необходимо включить в проект закона главу "Учет поглощения парниковых газов лесами и другими категориями земель", потому что не только леса поглощают, и предусмотреть в этой главе мероприятия по государственному стимулированию развития проектов интенсификации, лесоклиматических проектов по аналогии, как страны Евросоюза стимулируют углеродные лесные проекты REDD+.

Следующее – возвращение в закон норм, связанных с учетом торговли и поглощением лесами на внутреннем рынке, как меры поддержки инициативы бизнеса по проектам по облесению.

Далее – в национальной стратегии низкоуглеродного развития предусмотреть стимулирование внедрения международных систем сертификации устойчивости в угольной промышленности, в черной и цветной металлургии с целью снижения углеродного следа производимой продукции. Но я могу сказать, что в угольной промышленности уже есть такие bettercoal-проекты. В цветной металлургии есть (это РУСАЛ) Aluminium Stewardship Initiative. И в черной металлургии есть такая система сертификации, как Responsible Steel, тоже сейчас начинает внедряться. То есть их надо как-то стимулировать законодательно.

И снятие нормативных барьеров в государственно-частном... стимулирование перехода арендаторов лесов на реализацию проектов

интенсификации с целью, может быть, перевода всех крупных арендаторов на эти проекты к 2030 году.

Ну и стратегия низкоуглеродного развития лесного комплекса тоже важна. На данный момент, насколько я понимаю, отсутствует такая стратегия. Спасибо.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо.

Андрей Владимирович, как Вы считаете, это потенциал перевода для действующих или для новых арендаторов?

А.В. ПТИЧНИКОВ

Для действующих.

Г.И. ОРДЕНОВ

Где реально применима эта ваша система?

А.В. ПТИЧНИКОВ

Действующие арендаторы переходят на эту систему, но не хватает стимулов, не хватает поддержки. То есть у нас у крупных арендаторов десятки миллионов гектаров лесов в аренде. И, если это все будет реализовано, можно добиться к 2030 году существенного увеличения поглощения.

Г.И. ОРДЕНОВ

Хорошо. Спасибо. Присаживайтесь.

У нас все выступающие закончили. Сейчас мы переходим к дискуссии. Так называемые оонщики хотели бы высказать мнения. Прошу укладываться в три – три с половиной минуты, не больше, потому что мы немного перебрали время.

Я хочу предоставить слово Исламову Дмитрию Викторовичу, заместителю председателя Комитета Государственной Думы по энергетике.

Д.В. ИСЛАМОВ

Спасибо, Геннадий Иванович.

Уважаемые участники парламентских слушаний! Во-первых, у меня есть поручение. Надо сказать, что мы также провели заседание рабочей группы Государственного совета по направлению "Энергетика", которую возглавляет губернатор Кузбасса Цивилёв Сергей Евгеньевич, посвященное вопросам изменения климата. Многие присутствующие были на этом заседании. Было около 100 экспертов.

Геннадий Иванович, мы хотели бы протокол этого заседания передать, чтобы вы учли его при формировании рекомендаций.

Г.И. ОРДЕНОВ

С удовольствием. Обязательно.

Д.В. ИСЛАМОВ

Какие мысли я хотел бы коротко высказать?

Первое. Уважаемые коллеги, сегодня все говорили (и презентации мы с вами посмотрели) о том, что идет глобальное потепление. Нас поугали катаклизмами, наводнениями (поднимется уровень воды из-за таяния ледников в Арктической зоне и так далее), но никто не говорил о мерах по адаптации к этим катаклизмам. Слово "адаптация" прозвучало один раз, по-моему. То есть мы с вами обсуждаем учет, какие-то коэффициенты, а вот об этой "пугалке", о которой нам говорят, мы вообще не говорим.

А что мы должны делать по адаптации? Если все это так угрожает — почему мы не говорим об адаптации? Геннадий Иванович, просто непонятно. У нас же дискуссия. Я вас провоцирую на дискуссию. Мне кажется, на первом месте человек должен быть.

Теперь что касается рейтингов, амбициозности планов и так далее. Также редко у нас говорят о том (сегодня представитель РСПП об этом сказал и Вы, Геннадий Иванович, во вступительном

слове), что Россия абсолютный и относительный лидер по сокращению эмиссии парниковых газов. Никто же с этим не спорит, правильно? *(Оживление в зале.)* Вот смотрите: на 1,5 млрд тонн CO₂ сократила Россия с 1990 года – абсолютный лидер. 1,5 млрд тонн CO₂ – на 49 процентов. Уровень составляет 51 процент от 1990 года. Все страны Евросоюза – на 1 миллиард, мы – на 1,5 миллиарда. Вклад России в общий объем выбросов – всего 3 процента. Половина – это Китай, США, Индия, Бразилия. Мы – всего 3 процента. И вот с этими 3 процентами мы сделали вклад больший, чем все другие страны в мире.

Что должно делать мировое сообщество в идеале? Оно должно сказать: "Надо брать пример с России. Как они это сделали?" Нужно послушать Минэнерго, которое говорит, что не за счет того, что развалилась у нас промышленность в 90-е годы (это же официальная информация), а за счет того, что у нас программы энергоэффективности, программы газификации нашей страны, программы модернизации энергетики, сокращения объемов сжигания попутного газа и так далее. Оно должно сказать: "Мы должны брать пример", сказать: "Как это так – у вас выработка выросла, а эмиссия сократилась? А ну-ка, давайте мы возьмем (что мы сделали для того, чтобы это произошло?) и поддержим и дальше будем так делать". Вместо этого что мы слышим? Недавно вышел международный рейтинг. России присвоен самый низкий рейтинг с формулировкой "критически недостаточно усилий по изменению климата". Честно говоря, это непонятно.

Хорошо, а почему в Китае за этот же период вырос объем выбросов в пять раз, в США – на 102 процента, в Индии – в 3,3 раза? А мы говорим: "Нет, давайте мы более амбициозные цели поставим, еще зажмем энергетику, зажмем..." Все говорим: у нас

"зеленая" структура энергетики. Нет, давайте еще сократим – в ущерб нашей национальной безопасности. К чему это приведет? Цены на электроэнергию для наших людей вырастут, на всю цепочку товаров. Не нужны дороги, не нужны дворы, нужно платить за электроэнергию, чтобы в Китае еще больше развивалась промышленность и так далее. Правильно, хорошие цели!

Геннадий Иванович, у меня просьба следующая.

Первое (это самое важное). Мы должны все эти вещи делать не в ущерб социально-экономическим интересам страны, прежде всего людей, наших избирателей.

Второе. Мы должны обязательно отметить наш вклад, что Российская Федерация – абсолютный и относительный лидер в мире. Мы внесли вклад больше всех. Давайте сделаем так, чтобы это ценили и уважали, а не присваивали нам критически низкие рейтинги. Вот о чем представитель Министерства экономического развития, когда выходит на трибуну, прежде всего должен сказать, а потом уже говорить о том, что критически недостаточно...

Третье. Какие еще более амбициозные планы? Давайте думать о развитии нашей экономики, о качестве жизни и заниматься энергосбережением.

Если мы говорим про уголь, мы должны задуматься... Вот Вы говорите: "За счет чего?" У нас котельные... допустим, в домах печки топят, если в Сибирь поехать, как 100 лет назад. Мы должны вот чем заниматься – газификацией, менять эти кочегарки на централизованное теплоснабжение. Вот куда нужно идти. И это даст эффект и для экономики, и для людей, и для снижения эмиссии CO₂. А мы не слышим этого. "Пускай там... Там не было денег и не будет. Зачем эта энергетика? Пускай будет сама по себе. Мы будем заниматься... поддерживать экономику других стран".

И еще об одном я хотел бы сказать. Что касается лесов, абсолютно, Геннадий Иванович, поддерживаю Ваше предложение. Нам нужно заниматься не только методиками, но и реальным лесоустройством, не допускать пожаров и так далее. Вот это как раз то место, где мы должны прилагать максимальные усилия и доказать всему миру, что у нас самые огромные, большие лесные насаждения в мире (у нас 20 процентов всех лесов, ни одна страна в мире не обладает такими лесами), что мы являемся на самом деле климатическим донором. Вот это мы должны доказать.

Я хочу вам передать протокол заседания рабочей группы. Спасибо.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо большое, Дмитрий Викторович.

Я предоставляю слово Григорьеву Александру Владимировичу, заместителю генерального директора АНО "Институт проблем естественных монополий".

А.В. ГРИГОРЬЕВ

Спасибо большое.

У нас дискуссия, не доклады, поэтому очень тезисно.

Первое. Ни в коем случае не нужно бежать впереди паровоза. У нас достаточно времени для формирования продуманной национальной углеродной политики, которая, с одной стороны, будет отвечать интересам национальной экономики, с другой стороны – позволит эффективно отстаивать национальные интересы на международном уровне. Это уже прозвучало. Это первое.

Второе (об этом я всегда говорю на любом мероприятии, посвященном углеродной политике) – никакого углеродного налога. Нет более вредной, более неэффективной меры государственного

углеродного регулирования, чем углеродный налог. То есть сплошной вред от этого, польза совершенно призрачная.

Риски внешние, безусловно, есть (о чем говорилось), они существуют. Но тут нужно быть проактивными. Вся эта история, связанная с тем, что будут вводиться какие-то налоги, пошлины и так далее, — часть того процесса, который идет сейчас во всем мире, — торговых войн (Трамп воюет с Китаем или Китай и так далее). Это просто элемент этого. И не надо думать, что мы сможем этого как-то избежать, если будем идти на поводу у определенных групп международного сообщества. Мы будем все равно всегда виноваты, поэтому нужно быть проактивными.

Я все время в этом плане привожу пример Сирии. Когда начиналась операция по помощи законному правительству Сирии, все говорили: "Вот всё там сейчас завязано. Зачем мы там?.. Что мы делаем?" Теперь что происходит? Вторая по численности страна НАТО чуть ли не на грани войны с первой страной по численности армии НАТО. Кто мог предположить несколько лет назад, что интенсивные проактивные действия смогут привести к такому результату? И здесь также нужно отстаивать свои интересы, предлагать неожиданные решения, и дело пойдёт.

Продолжаю международный вопрос. Международный опыт — он очень разнообразный. И я всегда тоже привожу один пример. Есть замечательный штат Калифорния, который является одним из лидеров в Соединенных Штатах среди штатов по "зеленой" энергетике и так далее. Но вот в чем дело: свыше трети электроэнергии этот штат импортирует, и на втором месте в этом импорте — электроэнергия, выработанная на угле в соседних штатах. И это просто классический пример вот этой "зеленой" пропаганды — что мы такие прекрасные, мы такие "зеленые", но импорт идет из

соседней Невады и так далее, и так далее. Вполне себе угольная электроэнергия. Но они могут отчитываться о том, что они молодцы. Нам, кстати, тоже нужно это учитывать, у нас очень большая страна с очень разнообразными географическими условиями. Этот опыт тоже нужно учитывать — что в одном регионе меры могут быть эффективными, но в другом регионе они могут нанести колоссальный ущерб. И именно с учетом этих региональных особенностей и нужно вести национальную углеродную политику. У меня всё. Спасибо.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо большое.

Предоставляю слово Рогинко Сергею Анатольевичу, председателю Подкомитета по климатической политике Комитета Торгово-промышленной палаты России по энергетической стратегии и развитию ТЭК, руководителю Центра экологии и развития Института Европы Российской академии наук.

С.А. РОГИНКО

Презентацию включите, пожалуйста.

Сначала о приятном — о лесах. Я еще представляю Всероссийское общество охраны природы, которое за почти 100 лет своего существования посадило 5 миллиардов деревьев. Наша последняя инициатива, реализация которой началась в сентябре и закончилась в ноябре, — это 30 миллионов деревьев, которые мы посадили. Последние деревья посадили на саммите "Россия — Африка" руководители африканских стран. И, кстати, они же получают первые блокчейн-сертификаты на каждое отдельное дерево. У нас запускается система блокчейн-сертификатов на деревья (она будет привязана к каждому отдельному дереву). Сертификаты будут

либо индивидуальными, либо корпоративными, либо семейными. То есть это скоро будет у всех на слуху.

Следующий слайд, пожалуйста.

Немного о проекте федерального закона. Сразу видно, что дискуссия вроде утихла и все думают, что если непопулярные меры...

Лариса Николаевна, это к Вам относится напрямую. Я, конечно, понимаю, что...

Г.И. ОРДЕНОВ

Мы Ларисе Николаевне протокол пошлем обязательно.

С.А. РОГИНКО

Конечно, естественно.

Дело в том, что прежде всего закон не должен быть "котом в мешке", как говорила Валентина Ивановна Матвиенко, то есть излишне рамочным документом, смысл которого непонятен и расшифровывается только в подзаконных актах. Валентина Ивановна не с потолка взяла этот тезис. Есть требование Конституционного Суда, согласно которому закон, в котором нет определенности в содержании, может быть признан незаконным. И отсутствие ясности и определенности действующее законодательство прямо относит к коррупциогенным факторам.

Следующий слайд, пожалуйста.

То есть, грубо говоря, такие неприемлемые для энергетики, неприемлемые для реального бизнеса положения, как принудительное квотирование и штрафы за перевыбросы, были просто "припудрены" и скрыты в функциях правительства.

Следующий слайд, пожалуйста.

То есть вводится понятие так называемой национальной цели — ограничение выбросов. Далее Министерство экономического развития ведет мониторинг и анализ этого достижения и дальше

представляет в правительство предложения о принятии решения о введении экономических мер государственного регулирования. Всё, мышеловка захлопнулась.

Следующий слайд, пожалуйста.

Проектом федерального закона в нынешней редакции предлагается введение уже отвергнутых экономических мер регулирования на основе прогнозов по недостижению цели, порядок разработки которых не определен, и возможности оспорить или даже обсудить результаты у бизнес-сообщества не будет.

Следующий слайд.

То есть, грубо говоря, механизм введения этих мер – снизу доверху непрозрачный. Не только не выполнено требование Конституционного Суда, но даже не учтены замечания, которые были получены в ходе оценки регулирующего воздействия, проведенной в том же Минэкономразвития.

Следующий слайд, пожалуйста.

Давайте посмотрим, кто определяет национальную цель. По проекту федерального закона – правительство. Так нет, у правительства отсутствуют юридические полномочия по установлению любых национальных целей. Это может делать президент. Давайте посмотрим. Вот, пожалуйста. Национальные цели развития утверждены чем? Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204. Так цели сокращения выбросов парниковых газов там даже среди стратегических задач нет.

Следующий слайд, пожалуйста.

Что мы имеем? Мы имеем то, что проект федерального закона вторгается в реальную компетенцию Президента Российской Федерации, лишая его прав в установлении показателей сокращения

выбросов парниковых газов в России и явочным порядком передавая эти права Правительству Российской Федерации.

Следующий слайд, пожалуйста.

Кто определяет национальную задачу? Вот, пожалуйста, указ президента. Но срок его действия истекает 1 января. Следующий указ будет привязан уже к Парижскому соглашению. И если какие-то цели будет вдруг еще от себя определять Правительство Российской Федерации, то это будет означать, что проект федерального закона сужает полномочия президента и во внешнеполитической сфере за счет искусственного расширения полномочий Правительства Российской Федерации.

Следующий слайд.

И вишенка на торте — насчет суверенитета. Есть там такая формулировка — что Российская Федерация осуществляет международное сотрудничество в решении вопросов регулирования выбросов. Решение этих вопросов предусматривается в соответствии с некими общепризнанными принципами и нормами международного права. Понятие не объяснено. Но тут, в общем, и так ясно, что, вообще-то говоря, решение вопросов регулирования и международного сотрудничества — это компетенция Российской Федерации. И в данном случае любое такое решение является национальной прерогативой России.

Следующий слайд, пожалуйста.

Картина ясная. Всем спасибо за внимание.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо большое, Сергей Анатольевич. *(Аплодисменты.)*

Я предоставляю слову Шкапову Дмитрию Александровичу.

Екатерина Александровна Блинецкая здесь, да?

Я прошу прощения, Дмитрий Александрович. Мне показалось, она ушла.

Я предоставляю слово Екатерине Александровне Близначевой, преподавателю кафедры международных комплексных проблем природопользования и экологии МГИМО МИД России, эксперту Информационного центра ФАО.

Е.А. БЛИЗНЕЦКАЯ

Всем добрый день! Я не буду повторять то, что уже было озвучено. У меня есть презентация, но не будем ее включать.

Мы занимаемся в основном подготовкой профессионалов для международного сотрудничества и для наших компаний. Поэтому для нас в университете очень важно понимание как международных трендов, так и того, насколько национальная политика в них вписывается и соответственно каким образом нужно корректировать внешнеполитическую стратегию.

Очень много сегодня говорилось, я так понимаю, противниками введения какого-либо серьезного углеродного регулирования, что мы уже все сделали. Парижское соглашение ведь не о прошлом – оно о будущем, и оно устанавливает задачи на XXI век, как минимум на то, что будет происходить после 2050 года. Соответственно, внедряемое регулирование должно быть ориентировано прежде всего на будущее, то есть каковы будут наши выбросы в будущем, с кем мы будем торговать нашим углеводородным сырьем, каким будет углеродный след нашей продукции в будущем (не когда-то, а в будущем). И та конструкция, которая сейчас формулируется, что указом Президента Российской Федерации устанавливаются целевые показатели по сокращению выбросов (назовем их так), а законопроект уже подстраивает нормативную базу под них, мне кажется не совсем стабильной,

потому что мы получим ситуацию, когда внутреннее регулирование будет всегда запаздывать.

Парижское соглашение, конечно, бессрочное, но там есть очень важные промежутки для международного сообщества — это глобальное подведение итогов раз в пять лет. Ближайшее у нас предстоит в 2023 году. Соответственно, мы получим ситуацию, когда каждые пять лет нам нужно будет менять регулирование. Наверное, это неправильно. И будущий закон должен быть рассчитан на долгосрочную перспективу — как минимум на период от сегодняшнего дня до 2050 года (как минимум). Потому что 2030 год наступит уже совсем скоро, а к 2025 году нам нужно будет представить в Секретариат РКИК новый INDC (новый определяемый на национальном уровне вклад), который должен быть продвижением вперед, то есть он должен быть более амбициозным, чем нынешняя цель.

И, спускаясь с глобального уровня на национальный и местный... Внедряемое новое... Мы в нашем университете ведем курс "Климатическая политика" уже четыре года. И мы являемся сегодня единственным образовательным учреждением, которое готовит специалистов по климатической политике, по климатическому регулированию. Больше этого не делает никто. Соответственно, если мы собираемся всерьез заниматься климатическим регулированием, вводить регулирование на национальном уровне, заниматься лесами, нам нужно задуматься о специалистах. Если таких специалистов не так много в Москве, то в регионах их совсем нет. Это уже в том числе соображения по подготовке кадров. Наверное, в федеральном законодательстве это тоже должно быть как-то отражено. Спасибо.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо большое, Екатерина Александровна. Вы очень правильно подметили, что нам не нужно довольствоваться достигнутым.

Шкапов Дмитрий Александрович, заместитель генерального директора ЗАО "ОмЗИТ".

Д.А. ШКАПОВ

Добрый день, дамы и господа!

Можно презентацию включить?

Г.И. ОРДЕНОВ

Пожалуйста, презентацию включите.

Д.А. ШКАПОВ

Имею честь представить вам российское производство котельного оборудования "Омский завод инновационных технологий". Обладая достаточно серьезными компетенциями в плане производства котельного оборудования, мы бы хотели сегодня все-таки остановиться на экологичности того, что на сегодняшний день выпускается в России в формате котельного оборудования, ну и на том (это, наверное, самое главное), какое используется котельное оборудование иностранного производства.

Проводя оценку экологических рисков, большинство экспертных организаций выбирает атмосферный воздух как один из первых критериев оценки загрязнения определенной территории. По разным источникам, уровень выбросов вредных веществ в атмосферу от котельных на сегодняшний день оценивается от 15 до 20 процентов от общего объема выбросов загрязняющих веществ.

Будьте добры, следующий слайд.

Среди основных вредных компонентов мы однозначно выделяем так называемый NO_x . NO_x – это смесь всех оксидов азота, которые получаются при сжигании любого топлива. Почему мы

выделяем именно NO_x ? Потому что NO_x является единственным загрязняющим веществом, которое не может быть устранено путем смены топлива. Это первое. И второе – когда мы начинаем бороться с выбросами NO_x , разрабатывая ту или иную продукцию, мы одновременно улучшаем качество сжигания и снижаем выбросы всех остальных газов.

Следующий слайд, пожалуйста.

NO_x является единственной постоянной частью атмосферы, хотя и очень незначительной, при окислении образует азотную и азотистую кислоты, которые способствуют образованию, как здесь уже говорилось, и кислотных дождей, и парникового эффекта. NO_x – это газ, который заметен даже при небольшой концентрации. Он имеет острый запах и коричневато-красный цвет. Часто выбросы от котельных, в которых есть NO_x , называют "лисий хвост". Уже при небольшой концентрации NO_x является сильнейшим коррозионным веществом, сильно раздражает носовую полость, глаза, вызывает бронхит и отек легких.

Следующий слайд.

Наглядным примером объема выбросов NO_x от котельных является сравнение с суммарным объемом выбросов от автомобильного транспорта. За основу были взяты всего 10-мегаваттная котельная, которая загружается в течение года на 60 процентов, и автомобили бензиновые и дизельные, соответствующие требованиям Евро-5 и с пробегом всего по 15 тыс. километров. Так вот, простые расчеты показали, что одна 10-мегаваттная котельная (это, получается, примерно 800 квартир) сравнима по выбросам с 11 тысячами бензиновых или почти 8,5 тысячи дизельных автомобилей.

Следующий слайд.

Действующие нормативные документы в части производства котельного оборудования на сегодняшний день в Российской Федерации гораздо жестче, чем в Европе. А вот что касается экологических требований, здесь все совершенно наоборот. В России действуют два ГОСТа, которые определяют уровень выбросов NO_x в 120 и 140 миллиграммов. В Европе же на сегодняшний день действует директива, которая определяет выбросы в 65 миллиграммов при работе на газе, в Китае же их "Белая книга" два года назад была ужесточена до 40 миллиграммов на 1 куб. метр. Это достаточно серьезная разница.

Следующий слайд.

Итак, наша фактическая оценка экологичности применяемого на территории Российской Федерации котельного оборудования.

Действующие нормативные документы не охватывают весь спектр выпускаемых и применяемых на территории Российской Федерации котлов. В России разрешено применение экологически вредных двухходовых реверсивных котлов, запрещенных к применению в коммунальной энергетике во всех странах Евросоюза согласно директиве еще в 2001 году. Еще тогда действующие европейские предприятия переориентировались на сбыт данной продукции в Россию и другие страны бывшего СНГ.

Дополнительно к этому скажу, что за последние несколько лет построены два новых иностранных предприятия по производству котельного оборудования, которые также выпускают экологически грязные котлы.

Не определен порядок применения того или иного документа, не проводятся систематические мониторинги работы коммунальных котельных, российские экологические требования по выбросам резко отстают от современных мировых значений.

Следующий слайд.

Оценивая площадь нашей территории, экономические показатели наших регионов, плотность населения, мы не предлагаем слепо копировать те требования, которые есть на сегодняшний день в Европе или Азии. Наше предприятие предлагает следующее.

Первое. Требуется разработка нового государственного стандарта, в котором будет четкая классификация выпускаемых и применяемых на территории Российской Федерации котлов в зависимости от объемов выбросов NO_x . Другими словами, это экологические классы котлов.

Следующий слайд.

В этом же ГОСТе все выпускаемые на территории Российской Федерации и применяемые на территории Российской Федерации котлы иностранного производства необходимо проанжировать на категории в зависимости от их технических характеристик, каждой категории котлов присвоить определенный диапазон экологического класса.

Следующий слайд.

Разработать новый федеральный закон, в котором произвести дифференциацию отдельных регионов, областей и территорий с указанием экологических классов применяемого оборудования.

Разработать и внедрить программу общего мониторинга работы коммунальных котельных, начиная с установленной мощности в 1 мегаватт.

В каждом из вышеперечисленных документов необходимо указать конкретные даты внедрения тех или иных экологических показателей. Спасибо.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо большое. Я считаю, этому стоит уделить особое внимание.

Стеценко Андрей Владимирович, президент АНО "Центр экологических инноваций".

Н.В. ЛУКИНА

Я прошу прощения. Лукину Вы пропустили.

Г.И. ОРДЕНОВ

Я пропустил Лукину? Простите. А следующей будет Лукина Наталья Васильевна. Пусть будет так.

А.В. СТЕЦЕНКО

Спасибо большое за представленную возможность выступить здесь.

Я хотел бы сказать, что, будучи студентом факультета почвоведения, я в Совет Федерации принес в 90-х годах проект "Зеленая стена России" по восстановлению и сохранению наших лесов и лесополос. И тогда меня спросили: "А сколько стоит внедрение этого проекта?" Я ответил: "Я почвовед, я пока не знаю". Пришлось стать экономистом, и теперь я готов ответить на этот вопрос.

В законе, который мы сейчас обсуждаем, были заложены (и на общественных слушаниях активно обсуждались) те экономические механизмы, которые позволяли торговать выбросами парниковых газов. Именно они могут позволить стимулировать большое количество фермеров, лесников, землевладельцев осуществлять лесные проекты по поглощению парниковых газов.

Что у нас творится в сельском хозяйстве — мы прекрасно знаем. Особенно на Юге России у нас идут процессы опустынивания и деградации почв, сильное выветривание. Это связано с тем, что у нас достаточно мало лесополос. В прошлом веке, с 50-х по 80-е годы,

Россия сажала лесополосы, это был сталинский план преобразования природы, и мы все-таки довели состояние лесополос в стране до 2 процентов от сельхозтерриторий. Этого недостаточно, потому что Докучаев 100 лет назад говорил о том, что необходимо довести до 20 процентов, а мы довели до 2 процентов. Но тем не менее это позволило повысить нашу урожайность.

За последние 25 лет, к сожалению, государство все меньше и меньше выделяло денег на создание лесополос, и сейчас они практически не высаживаются в нашей стране.

Мы провели инвентаризацию в Алтайском крае: было 140 тысяч гектаров лесополос, что составляло приблизительно 2 процента, а осталось меньше 69 тысяч – 1 процент. Это, наверное, как в капле воды, отражает ситуацию по всей стране.

Что говорить о Калмыкии? Там на Кизлярских пастбищах пустыня фактически образуется, барханы уже выше пятиэтажных домов.

Хотел бы привести пример Новой Зеландии, которая, в рамках Киотского протокола включив систему торговли выбросами парниковых газов, стимулировала посадки внутри страны. Они увеличили посадки на 17 процентов. Что такое 17 процентов? Это почти 20 процентов. То есть за пять таких периодов – по пять лет – можно было бы засадить всю Новую Зеландию новыми лесами. И в России можно сделать то же самое. У нас достаточно большая потребность в посадке этих лесов, но нужны экономические стимулы. Никакой крестьянин не будет делать ни одного лесного проекта, если это ему не будет выгодно. На сегодняшний момент лесополосы в стране ничьи, до сих пор ничьи. Лесополосы выпадают, их рубят, они выжигаются, если пустить пал по стерне.

По лесному фонду у нас тоже есть достаточно большой потенциал (об этом уже чуть-чуть говорилось). Но надо сказать о том, что есть неуправляемые леса, их приблизительно 20–30 процентов в нашей стране. Туда невыгодно посылать даже "Авиалесоохрану". И если мы запустим проектные механизмы и по лесам и предоставим возможность торговли внутри страны, то тогда эти проекты станут выгодными и частный капитал пойдет туда для компенсации выбросов и создания таких углерододепонирующих насаждений.

Теперь о внешних вызовах. Также сегодня неоднократно говорилось о том, что возникает углеродный протекционизм, и 17 бирж уже выставляют требования по углеродной отчетности. И нашим промышленным компаниям где-то надо покупать эти углеродные тонны, для того чтобы отчитаться. Если мы не создаем внутреннего рынка, то где они будут покупать? Только за границей? Соответственно, эти деньги (по существующим ценам это 17 долларов в Соединенных Штатах, это 17,28 евро в Европе) уйдут за границу и будут работать на экономики других стран.

Если мы создаем внутренний рынок с внутренними возможностями компенсации от проектной деятельности, то мы позволим нашей промышленности компенсировать внутри страны гораздо дешевле. Цены на лесные проекты (себестоимость) – от 2 до 3 долларов против 17 долларов. В несколько раз дешевле это будет сделать внутри страны нашему бизнесу.

А что говорить об ICAO и CORSIA? До 2027 года – пожалуйста, бесплатно тренируйтесь, делайте компенсацию как хотите. А с 2027 года, вне зависимости от того, подписала Россия, не подписала, наши авиакомпании будут платить за вылет за границу. Где авиации взять эти тонны? Если у нас не будет внутреннего

рынка, то авиации тоже придется покупать это за границей. Надо создать какие-то внутренние механизмы, которые позволили бы нашим компаниям компенсировать углеродный след внутри страны и передавать.

Мы активно говорим о лесных проектах. Но кто будет их делать и как они будут делаться? Можно было бы активизировать население и дать возможность населению заработать — землепользователям, крестьянам, фермерам, с тем чтобы они посадили на своей земле леса, лесополосы, сохраняли и восстанавливали эти леса. Никто, кроме частников, не будет за лесом так хорошо следить.

Но если не будет системы обмена внутри страны, то тогда это бессмысленно, никаких лесных проектов не будет. Мы запустили первый лесной проект — на Алтае. У нас 10 тысяч гектаров, на которых растет лес. Поглотилось 1,7 млн тонн CO₂. Нет рыночных механизмов, и мы не можем ничего продать. Этот проект сейчас убыточный и затратный. Если мы не создадим рыночных механизмов, то никакая проектная деятельность не будет выгодна.

Нам необходимо создать эти механизмы, и тогда пойдут проекты и по посадке лесов, и по сохранению лесов, и по сокращению выбросов в ЖКХ, и по энергоэффективности, и метановые проекты в сельском хозяйстве от ферм.

Я предлагаю вернуть в законопроект рыночные механизмы и систему торговли CO₂. Спасибо.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо.

Я прошу прощения, Александр Викторович Панфилов здесь?

С МЕСТА

Он ушел, но я могу за него...

Г.И. ОРДЕНОВ

Тогда, если будет несколько вопросов, может быть, в течение буквально одной минуты прокомментируете выступление Андрея Владимировича. И, может быть, будут вопросы по поводу того, о чем говорил Птичников в выступлении. Но не сейчас.

Давайте мы еще Наталье Васильевне Лукиной, председателю Научного совета Российской академии наук по лесу, члену-корреспонденту Российской академии наук, дадим слово.

Н.В. ЛУКИНА

Спасибо большое. Спасибо за то, что дали возможность выступить.

Я хотела бы поблагодарить прежде всего всех выступающих за очень интересные доклады и такую интересную информацию, которую мы все здесь получили.

Хотела бы обратить внимание на два момента, которые здесь сегодня не обсуждались, очень коротко, и побольше времени уделить нашему третьему предложению. Мы на самом деле три предложения прислали сюда для включения в резолюцию.

Первое, на что я хотела бы обратить внимание. Мы уповаем на леса, на то, что леса будут поглощать у нас эти парниковые газы. Это правда, замечательно, они будут поглощать, но давайте не будем забывать о том, что леса сами подвергаются изменениям климата. И сейчас нужно очень серьезно оценивать возможности и, кроме того, действительно предпринимать практические действия по адаптации лесов к изменениям климата.

Господа, я вам напомним: больше 50 процентов наших лесов, которыми мы по праву гордимся, — в вечной мерзлоте. О вечной мерзлоте сегодня замечательно вы говорили. Как вы думаете, если она тает, то нашей лиственнице, которая в основном растет на

вечной мерзлоте и, еще раз подчеркиваю, занимает больше 50 процентов нашего лесного фонда, хорошо? И все нормально? Она поглощать дальше будет? Вот об этом надо очень серьезно поговорить. Мы сейчас эти вопросы в нашей научной среде обсуждаем. Это не только лиственница, конечно, но и все другие леса. Понятно, что засухи учащаются, температура повышается, соответственно, возрастает пожарная опасность в лесах (об этом сегодня много говорили).

И второе. Мы говорим о низкоуглеродной экономике, но сегодня ни разу не говорили об экономике замкнутого цикла, то есть о безотходной экономике, и о ее мощнейшей части (этот тренд просто сейчас стал таким ведущим, доминирующим, во всяком случае в развитых странах) — биоэкономике замкнутого цикла, то есть экономике на возобновляемых ресурсах. Сегодня у нас это здесь совсем не звучало. А лесной сектор (я представляю лесной сектор), конечно, является ключевым игроком.

Интенсивное ведение лесного хозяйства — замечательно, но нужно только, мне кажется, оговариваться, что на всей территории России это делать сложно.

Что касается скандинавской модели, которая неоднократно пропагандировалась у нас в самых разных аудиториях, надо отдавать себе отчет, что сами они испытывают очень большие сложности сейчас именно с этой моделью. Потому что, давайте скажем честно, это не леса, а лесные плантации уже, с биоразнообразием там — просто никак, с устойчивостью — просто никак, и они возвращают сейчас туда и элементы биоразнообразия, и разные другие элементы, технологии.

Пользуясь случаем, я приглашаю вас... У нас 28 ноября будет рассматриваться концепция нового Лесного кодекса. Рассмотрение

будет проходить в здании Института космических исследований Российской академии наук. Мы обязательно пришлем вам приглашения и всем участникам разошлем. Мы на самом деле их уже разослали, у нас очень много желающих обсудить эту концепцию. Там также предлагается так называемый сегрегационный подход. То есть мы можем себе позволить зонировать наши леса. И где-то, да, интенсивное ведение лесного хозяйства, где-то мы охраняем и оставляем биоту в том состоянии, в котором она сегодня есть, чтобы она могла регулировать климат. Пусть это такой антропоцентрический подход, но все-таки. Вот обращаю ваше внимание на это.

Прошу прощения, времени мало... И третье предложение. Конечно, оцифровать все деревья – замечательная идея, но едва ли сегодня это возможно. На самом деле оценка поглощающей способности лесов еще требует, наверное, уточнений, и этому сегодня посвящен самый большой проект в России.

И сегодня в этом проекте собрались наши ведущие ученые (слайды включены). Научным руководителем этого проекта является Барталёв Сергей Александрович. Он здесь сегодня присутствует, я попрошу его прокомментировать несколько слайдов, чтобы показать, как сегодня предполагается оценку поглощающей способности лесов сделать действительно на очень высоком уровне. Мы надеемся, что результатом этого проекта станет именно такая оценка.

Сергей Александрович, попрошу Вас несколько слайдов прокомментировать.

С.А. БАРТАЛЁВ

Если можно, две минуты?

Г.И. ОРДЕНОВ

Да, пожалуйста.

Барталёв Сергей Александрович, Институт космических исследований РАН.

С.А. БАРТАЛЁВ

Следующий слайд, пожалуйста.

Есть еще одна проблема, о которой, к сожалению, сегодня практически не упоминалось. Мы очень мало знаем о наших лесах, о которых так много сегодня говорим.

Если посмотреть на этот график, мы видим, что площадь лесов России год от года методично сокращается. Скорость этого сокращения превышает 1 млн гектаров в год. Если вы посмотрите на данные официальной статистики, здесь будет практически горизонтальная линия – как будто бы площадь лесов России не меняется. Если вы посмотрите на данные по запасу лесов, то увидите, что он растет (это по спутниковым данным, не по наземным, не по официальным). Если вы посмотрите на данные по запасу, вы увидите, что он растет. То есть объем стволовой древесины нарастает. Если вы посмотрите на официальные данные, он практически не меняется. О чем это говорит? О том, что официальная информация просто не отражает реальную действительность.

Следующий слайд, пожалуйста.

За счет чего это происходит? У нас практически нет возможности регулярно обновлять информацию о лесах. Она сейчас базируется на данных по лесоустройству. В хорошие годы данные по лесоустройству обновлялись раз в 10 лет, на некоторых территориях – раз в 20 лет, а на некоторых территориях не обновлялись последние 50 лет. А сейчас все гораздо хуже. Этот путь – обновлять данные за счет проведения лесоустройства, во-первых, очень дорогой, во-вторых – очень длительный, потому что цикл, как я говорил, – 10 лет, в самом лучшем случае. Это значит,

что, если мы начнем делать это сейчас, мы только через 10 лет обновим информацию. То есть вот эти 10 лет мы не будем иметь достоверной информации о лесах. Единственный путь, о котором я говорил и буду говорить, — использовать данные космических наблюдений. Для этого сейчас есть много возможностей.

Понимаете, есть простая вещь, простая аналогия. Нам нужно измерить углерод. Если мы хотим обновить информацию о каждом дереве, для того чтобы измерить углерод, мы просто делаем задачу нерешаемой. Это все равно что измерить температуру, измеряя скорости молекул. Фактически есть другие механизмы, для того чтобы измерять те характеристики, которые нужны для оценки. При всем уважении к кемеровскому опыту... я считаю, что он хороший и уникальный, но он применим на каких-то локальных территориях для особо ценных боров и так далее. Но задача регулярно обновлять информацию не только по каждому дереву, но и по выделенной... становится нерешаемой.

Это пример. По спутниковым данным так меняется площадь вне границ лесного фонда за счет зарастания сельхозземель.

Следующий слайд, пожалуйста.

Это официальные данные о гибели лесов от пожаров. Вы видите, площади очень маленькие — 500 тыс. гектаров, 380 тыс. гектаров. Вот это фактические данные о гибели лесов от пожаров — в какие-то годы площади достигают 7 млн гектаров. То есть 20–30-кратное превышение официальных данных по гибели лесов.

Добиться получения информации, достоверной и регулярной информации, традиционными методами, к сожалению, сейчас не получится — нужно менять парадигму.

То, что здесь написано сейчас... Здесь написано следующее: пункт 13 — провести совместно с профильными научными

учреждениями в сфере лесного хозяйства анализ существующих методов формирования информационной базы государственного лесного реестра на предмет включения в перечень используемых методов последних научных разработок. Дальше перечисляется — дистанционное и спутниковое зондирование, методики... Все правильно написано. Но, если мы пойдем по пути обновления данных государственного лесного реестра, мы задачу не решим. Нам нужно сбоку сделать базу данных, базирующуюся на спутниковой информации, сделать это быстро (в течение года — двух-трех лет), сделать ее официальной и по ней считать углерод. Если мы начнем считать деревья, считать выделы, условно говоря, это займет десятки лет. Пока мы обновим информацию — в других местах она уже устареет. Путь совершенно тупиковый. Просто надо менять парадигму в корне, на мой взгляд.

Мы, кстати говоря, написали совершенно по-другому. Мы написали: разработать систему космического мониторинга углерода в лесах — не обновить систему государственного лесного реестра, а разработать просто новую систему, потому что таким путем мы задачу не решим.

Следующий слайд, пожалуйста.

Все эти характеристики мы сейчас либо умеем определять, либо очень близки к тому, чтобы определять по спутниковым данным. Запас древесины, преобладающая порода, возраст, объем зеленой фитомассы, сомкнутость, бонитет — в принципе это ключевые показатели, которых достаточно, для того чтобы определять многие характеристики углерода в лесах. Не все, есть там более сложные проблемы, связанные с почвой, с детритом и так далее. Но в принципе это то, что содержится в данных государственного учета лесов сейчас или в данных государственного

лесного реестра, и этого достаточно для того, чтобы в значительной степени решить проблему.

Следующий слайд, пожалуйста.

Карты преобладающих пород.

Следующий слайд.

Карты запасов стволовой древесины. Они обновляются ежегодно.

Методы, для того чтобы эти данные обновлять и для того чтобы по ним считать характеристики лесов, достаточны для ежегодной оценки углеродного бюджета лесов, на основании новых, актуализированных данных сейчас эти методы позволяют это делать. Мне кажется, это надо сейчас максимально использовать, а не идти по пути измерения скоростей молекул, для того чтобы измерить температуру тела. Спасибо.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо, Сергей Александрович.

Сергей Михайлович Катаев, заместитель директора ассоциации "Совет производителей энергии". Пожалуйста.

С.М. КАТАЕВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Я понимаю, что все уже устали. Буквально два слайда.

Можно презентацию включить?

Г.И. ОРДЕНОВ

Пожалуйста, презентацию включите.

С.М. КАТАЕВ

Наверное, основная проблема, с которой мы сталкиваемся и которую обсуждаем, — именно в текущем подходе. Мы обсуждаем Парижское соглашение, участвуем, скажем так, в проработке определенных документов, но, обратите внимание, механизмы

реализации не определены. Возьмем статью 6. Торговля единицами сокращения выбросов, нерыночные подходы до конца не определены, объективный учет поглощающей способности лесов — это все темы, которые требуют проработки, и действительно интересы России здесь могут быть учтены в полном объеме.

Дальше — стратегия низкоуглеродного развития страны. Она до сих пор не разработана, и она разрабатывается без участия отраслевого сообщества, мы ее не видим. И после всего этого нам предлагается утвердить федеральный закон, в котором есть определенная дополнительная финансовая нагрузка на реальный сектор экономики, без нормативных правовых документов, которые будут сопутствовать этому федеральному закону, о чем коллеги неоднократно говорили.

Мы, как Совет производителей энергии, на всех площадках предлагали системный подход, то есть вначале пройти процесс согласования стратегии, утвердить ее. Тогда будет понятна оценка текущей ситуации, целевых показателей, методов достижения, стоимости реализации тех или иных проектов. И дальше уже будет задел для участия в различных международных соглашениях, не только в Парижском, активного участия Министерства иностранных дел, в различных соглашениях. И также нам будет понятно, куда мы движемся в части федерального закона и, соответственно, проектов нормативных правовых актов.

Следующий слайд.

Здесь хотели просто подвести к тому, что принятие закона, который устанавливает обязательные экономические требования, экономические меры без обсуждения, без понимания, куда мы движемся... Потому что у нас компании, в том числе ассоциация и инвесторы смотрят циклами шесть — восемь лет, они должны

понимать, куда будет двигаться страна, каким будет вектор. Поэтому без принятия стратегических документов какие-то обязательные требования устанавливать, мы считаем, точно преждевременно.

Призываю и Минэкономразвития к тому, что обсуждение самого законопроекта и нормативных правовых актов должно быть максимально открытым и согласованным с общественностью и отраслевыми экспертами.

Выводы здесь представлены (не буду занимать ваше внимание). Мы их официально вам направляли от Совета производителей энергии. Спасибо, коллеги.

Г.И. ОРДЕНОВ

Хорошо. Спасибо большое, Сергей Михайлович.

Господин Дмитриев. Пожалуйста, буквально несколько слов, по минуте на два вопроса: первый – по поводу интенсивного использования лесов; второй – по поводу лесополос.

В.В. ДМИТРИЕВ

Что касается интенсивного использования лесов, у нас действительно существуют и рабочая группа, и соответствующий алгоритм. Мы работаем с субъектами, работаем с заинтересованными арендаторами и лесопользователями, которые для себя принимают решение, вводить или не вводить эту модель интенсивного использования лесов. После этого проходят тщательные эксперименты и тщательные обсчеты и вносятся изменения в те региональные правила, в те правила ведения рубок для конкретных лесорастительных зон, которые распространяются на конкретные регионы. Система работает. Нельзя сказать, что она не работает. Но "железной рукой" загнать туда наших арендаторов – мы считаем, что это было бы неправильно.

Г.И. ОРДЕНОВ

То есть, Вы считаете, это затратный немного, относительно затратный, более затратный метод и не практикуете его широко, не рекомендуете широко, да?

В.В. ДМИТРИЕВ

Нет, мы его рекомендуем широко. Но там проблема в чем? Проблема в том, что арендатор в первые годы несет значительно бóльшие затраты, а урожай и основную прибыль он может собрать где-то лет через 10. Поэтому тут надо более внимательно поработать, именно учитывая региональные особенности. Не у всех одинаковые социальные и экономические условия. Поэтому тут есть определенные вопросы. Но возможность для введения в рамках законодательного регулирования такого инструмента, как интенсивные методы ведения хозяйства, есть.

Что касается лесополос, мы категорически за. Проблема в том, что это земли сельхозназначения. И эти вопросы, к сожалению, решаются вне лесного хозяйства, они не входят в лесной фонд. Это находится в епархии Минсельхоза.

Г.И. ОРДЕНОВ

А сельхозпроизводитель, хозяин этих сельхозземель, конечно же, не горит желанием перевести эти леса из категории земель сельхозназначения в лесные.

В.В. ДМИТРИЕВ

Сельхозпроизводители абсолютно не заинтересованы ни поддерживать их, ни восстанавливать, ни ухаживать, ни тем более вести какие-то специальные мероприятия по хозяйству.

У меня есть еще несколько комментариев в целом по решению. Я тогда, наверное, чтобы не задерживать...

Г.И. ОРДЕНОВ

Владимир Викторович, еще вопрос: каково ваше мнение относительно космического мониторинга, спутникового мониторинга?

В.В. ДМИТРИЕВ

Нам хорошо известна эта работа. Спор идет довольно давно.

Г.И. ОРДЕНОВ

Рослесхоз этим пользуется, планирует более?..

В.В. ДМИТРИЕВ

Не только пользуется, но мы используем и те программные продукты, и те решения, которые есть в Институте космических исследований РАН. Вопрос – в технологии. Если кто-то создаст такую технологию дистанционного мониторинга, дистанционного лесоустройства наших лесов – милости просим к нам, давайте будем ее внедрять. У академии наук сейчас есть хороший шанс (у ИКИ есть тоже хороший шанс) создать такую методику... не методику, а именно технологию мониторинга и лесоустройства. Ради бога, давайте создадим. Давайте определим срок. Вот когда мы услышим... Здесь было сказано, что ИКИ РАН и ЦЭПЛ получили самый большой, можно сказать, мегапроект от академии наук. Вот результатом этого проекта, я так понимаю, должна стать такая технология.

Г.И. ОРДЕНОВ

Спасибо.

У Вас вопрос?

С.М. ЕГОРШЕВ

(Микрофон отключен.) Нет, у меня комментарий.

Г.И. ОРДЕНОВ

Пожалуйста. Только представьтесь.

С.М. ЕГОРШЕВ

Егоршев Сергей Михайлович, исполняющий обязанности директора Департамента программ развития Минтранса России.

К сожалению, я не был заявлен, хотя официальное письмо мы направляли. Но я без претензий, я просто...

Г.И. ОРДЕНОВ

Мы постарались абсолютно всех участников...

С.М. ЕГОРШЕВ

Я понимаю. Я озвучу несколько вопросов. Они важны с учетом того, что о транспорте здесь достаточно много говорилось. Хотелось бы высказать нашу позицию.

Первое. Полностью поддерживаем коллег, которые сейчас говорят о том, что не стоит брать на себя слишком амбициозные цели. Все дело в том, что (совершенно правильно Вы подметили в начале своего выступления) климатическая повестка не должна сдерживать социально-экономическое развитие Российской Федерации. Как бы то ни было, в отношении транспорта мы понимаем, что, для того чтобы реализовывать указы президента, основные направления деятельности правительства, федеральные проекты, госпрограммы – много чего, объемы перевозок неизбежно будут расти. И, собственно говоря, как бы мы ни хотели одновременно сократить углеродный след и повысить мобильность наших граждан и уровень развития экономики, мы должны признать, что объемы перевозок на всех видах транспорта будут расти.

В этой ситуации приведу очень простой пример. Мы очень гордимся нашей авиацией. И, действительно, в последние годы авиация растет приблизительно на 10 процентов. Это практически один из самых лучших показателей в мире. Но если мы возьмем этот рост хотя бы до 2035 года и те мероприятия, которые мы проводим с точки зрения улучшения организации движения, покупки новых

самолетов, мероприятий по обслуживанию полос, которые в той или иной степени будут содействовать снижению выбросов парниковых газов, это 2 процента. То есть плюс 8 процентов в любом случае будет.

Поэтому здесь основным вопросом является то, чтобы на единицу транспортной работы повышалась энергоэффективность, снижалось энергопотребление. В этом случае для нашей промышленности должны быть созданы условия, при которых транспортные средства, прежде всего отечественного производства, должны быть, во-первых, на экологически чистых видах топлива по возможности, а во-вторых – конечно, более энергоэффективными. И здесь требуется очень большая поддержка, в том числе и Совета Федерации. Потому что несколько лет назад президент поставил задачу о переводе всех видов транспортных средств, например, на использование газомоторного топлива. К сожалению, сейчас процент внедрения газомоторного топлива крайне низкий. Наши предложения...

Г.И. ОРДЕНОВ

Кстати, Вы не сказали, какое сегодня количество транспортных средств на газомоторном топливе. Сколько у нас процентов транспорта?

С.М. ЕГОРШЕВ

Что касается автомобильного транспорта – до 1 процента. Что касается авиационного транспорта – практически нет, то есть мы остановились на моделях, которые были во времена позднего Советского Союза. Там были перспективные модели.

Что касается железнодорожного транспорта, созданы перспективные модели, но это первые поезда, газотурбовозы, они в единичных экземплярах.

Что касается морских судов, это, как правило, газовозы, которые сейчас, слава богу, начали производиться на "Звездочке", а так их производили корейцы (большие – на корейских верфях).

Поэтому здесь первый вопрос: мы не должны сейчас, сломя голову, ставить перед собой какие-то совершенно завышенные цели. Я целиком поддерживаю коллегу, который говорит о спокойной, совершенно нормальной экологической политике, которая позволит... Вступили в Парижское соглашение, приняли на себя обязательства – давайте первые пять лет посмотрим. 70 процентов, которые мы себе поставили, вполне удовлетворят нас на международной арене. Что будет дальше? Получится у нас делать технику, которая будет на единицу транспортной работы потреблять меньшее количества энергии, получится у нас развивать газомоторное топливо? К сожалению, такие реалии. И здесь мы по крайней мере внутри себя не должны строить какие-то воздушные замки.

Дальше, еще один очень важный момент. Практически каждый из ораторов (через одного) говорил, что в настоящий момент не существует действительно системы верификации того, что у нас выбрасывается. Мы многие годы пытались работать с Минприроды России, и было поручение тогда еще вице-премьера Хлопонина о том, что каждая из отраслей экономики должна разработать свои собственные целевые отраслевые методики. Мы их разработали по каждому виду транспорта. И когда полномочия по регулированию выбросов перешли к Минэкономразвития и мы принесли эти методики, они сказали: вы знаете, никто, кроме вас, транспортников, их не сделал, поэтому давайте-ка мы будем руководствоваться, условно говоря, устаревшим приказом Минприроды № 300, который

при всем при том не учитывает выбросы от передвижных источников, коими являются транспортные средства.

Поддерживаю Александра Ильича из института глобального климата, который сказал (спасибо большое) о том, что распоряжение правительства № 278, которое позволяет вести мониторинг на самом высоком уровне, в принципе морально устарело. Да, это так. Потому что раньше национальный кадастр формировался исходя из того, что каждый федеральный орган власти представлял какую-то свою отчетность, в сфере своей деятельности. Сейчас прядок изменен — есть национальный кадастр, как бы отдельно существующий, и существуют отрасли экономики, которые, в общем-то, по большому счету, должны хотя бы внутри себя иметь по ключевому центру. Опять-таки в выступлениях прозвучало, что Минэнерго и Минтрансу такого рода центры нужно создать. Их нужно создать не только в Минэнерго и Минтрансе — их нужно создать во всех базовых отраслях экономики, чтобы по крайней мере на своде этого национального кадастра были верифицированные источники. И я прошу, по возможности...

Г.И. ОРДЕНОВ

Понятно. Спасибо большое. Мы Вас услышали.

С.М. ЕГОРШЕВ

И последнее. Целиком поддерживаю то, что Парижское соглашение и вся наша работа — это работа на будущее. Хотелось бы сказать вот о чем. Я понимаю академию наук, представитель которой говорил, что действительно все наши лиственницы находятся на территориях вечной мерзлоты.

Я еще прошу вас подумать над таким фактом — что на самом деле мы тоже стараемся в силу своих возможностей оценивать риски,

которые может принести таяние вечной мерзлоты, для развития транспортной инфраструктуры.

Между прочим, в европейской комиссии существует специальная рабочая группа по климату и его влиянию на транспортные системы. Я вхожу в ее состав. Так вот, на территории вечной мерзлоты в настоящий момент у нас расположено значительное количество объектов транспортной инфраструктуры – более 20 морских портов, более 61 речного порта, 79 тыс. километров автомобильных дорог федерального и регионального значения, 9 тыс. километров железных дорог, 198 аэропортов, 16 из которых имеют статус федеральных. Поэтому здесь первым шагом должно стать научное и какое-то методологическое обеспечение этой деятельности. Потому что сейчас понятно, что федеральные органы власти отвечают за нормотворчество и за реализацию национальных программ, государственных программ, а вот общая работа по оценке возможности влияния на леса, на инфраструктуру, вообще на...

Г.И. ОРДЕНОВ

Я прошу прощения... Сергей Михайлович, Вы же Минтранс представляете?

С.М. ЕГОРШЕВ

Да, совершенно верно.

Г.И. ОРДЕНОВ

Я скажу Вам, что 90 процентов Вашего выступления адресовано вам.

С.М. ЕГОРШЕВ

Я понимаю. Но, для того чтобы...

Г.И. ОРДЕНОВ

Я не говорю – лично, а Минтрансу в первую очередь. Вы, Минтранс... Я тоже так считаю. Хотя я не считаю правильным...

Минэкономразвития должно регулировать, это вопрос другой, но то, что вы должны разработать все... И восемь лет назад (или уже девять)... по-моему, в 2012 году, когда были призыв и настоятельные рекомендации по переходу на газомоторное топливо, почему Минтранс палец о палец дальше не ударил? То, что смогли сделать совместно...

С.М. ЕГОРШЕВ

Минтранс как раз... Рассказываю...

Г.И. ОРДЕНОВ

Не надо рассказывать. Это Вы потом расскажете. У нас, к сожалению, наши парламентские слушания уже 3 часа 20 минут идут. Нам такое непозволительно. Мы получим определенные внушения за то, что очень сильно растянули.

Я хочу поблагодарить абсолютно всех, поблагодарить в первую очередь за очень хорошие, конструктивные предложения в рекомендации, выступления.

Да, пожалуйста, Петр Михайлович.

П.М. БОБЫЛЁВ

Просто чтобы не было лозунгов, а были цифры. Мне комфортно с цифрами работать. Насчет газомоторного топлива еще раз: я же сказал, что за последние пять лет на 68 процентов (65–68 процентов) выросло потребление автотранспортом газомоторного топлива. Это первая история.

Г.И. ОРДЕНОВ

Петр Михайлович, выросло, да. Но какое количество транспортных средств перешло, какой процент транспорта на газомоторном топливе у нас в стране?..

П.М. БОБЫЛЁВ

Я продолжаю, чтобы не затягивать.

Г.И. ОРДЕНОВ

Это верно — всего 1 процент.

П.М. БОБЫЛЁВ

Я продолжаю. Я могу мерить в газе. Вот мы поставщики газа, что касается этой истории. Так вот, просто в цифрах. У нас есть проект энергостратегии (было постановление правительства), до 1 декабря мы внесем его в правительство по поручению премьера. В цифрах, просто в газе... Еще раз: в штуках я автомобили не меряю, это не моя юрисдикция, но в газе я меряю.

Еще раз: на сегодня весь транспорт в стране потребляет примерно 680 млн куб. метров газа. К 2025 году мы поставили себе цель, что будет 2,7 млрд куб. метров, к 2035-му — 13 млрд куб. метров. То есть, другими словами, мы исходим из того, что от существующей точки мы почти в 17 раз увеличим... А в штуках...

Г.И. ОРДЕНОВ

Ну, это абсолютно корреспондируется с теми цифрами, которые озвучил президент, — что у нас примерно 20 процентов будет работать на газомоторном топливе.

П.М. БОБЫЛЁВ

Я это к чему говорю? То, за что отвечает Минэнерго, — это проект энергостратегии на сегодня. И еще важный момент в виде большой просьбы. Извините, что я вас задерживаю. Я посмотрел проект рекомендаций. Наше письмо к вам еще не пришло, оно будет в понедельник-вторник. Здесь позиция Минтранса отражена, еще... Мы успеем повлиять на этот документ?

Г.И. ОРДЕНОВ

Конечно. Мы принимаем предложения в течение двух недель.

С МЕСТА

(Микрофон отключен.) Мы увидим протокол?

Г.И. ОРДЕНОВ

Конечно. Все заинтересованные получают не протокол – рекомендации. Мы учтем... Что-то войдет, что-то не войдет. Ну, я думаю, 98 процентов всех высказанных мыслей в той или иной форме здесь будет отмечено.

П.М. БОБЫЛЁВ

Очень важный момент. В виде поручения Минэнерго здесь, в виде рекомендации Минэнерго написано, например, низкоуглеродные ресурсы и природный газ...

Г.И. ОРДЕНОВ

Пожалуйста, свои изменения вносите.

П.М. БОБЫЛЁВ

Здесь есть объем вещей, которые не входят в нашу юрисдикцию.

Г.И. ОРДЕНОВ

Мы их обязательно учтем, особенно федеральных структур. Это конструктивные и полезные...

П.М. БОБЫЛЁВ

Спасибо большое.

Г.И. ОРДЕНОВ

А Вам я говорю: надо Минтранс... Ну, вы внутри немножечко шевелитесь и предлагайте. Я считаю, что вы даже инициаторами в какой-то степени должны были быть. "Дорожная карта" была Минприроды и Минэкономразвития... Все остальные – сателлиты, а оно все ни шатко ни валко...

То же самое по поводу... Ну, это лично мое мнение. Если мы не будем ставить амбициозные цели (хотя бы слово надо сказать) – так и будет, как с газомоторным топливом: провозглашено, а вот оно как-то идет себе и идет. Никто нас за это не ругает. Отчетность есть

в Минэнерго? Есть, и они ее выполняют — и всё, и слава богу. Поставили себе цель — достигли. А я не могу сегодня 120 машин перевести на газ. Ну, ладно, я тебе поставлю 100. Вот это не амбициозные цели. А амбициозные цели должны быть у нас всегда. Я не буду говорить, что это, наверное, наш, российский менталитет в конце концов, но цели надо ставить, и не надо опускать руки, и не надо ждать, иначе потом придется догонять, если мы сегодня будем просто сидеть и спокойненько, как Вы предлагаете...

Я солидарен с Вашим выступлением. Солидарен. Но вот со словами, что спокойно надо жить и спокойно всего достигать... У нас так не получится. У нас нет нормативной базы. Она должна быть. Должен быть федеральный закон, и в федеральном законе должно быть четкое и конкретное целеполагание. Еще будут и указ президента, и стратегия. К сожалению, стратегию мы дальше 2035 года... пока не знаем, мы не имеем права по законодательству ее принимать. А нам нужно поставить планку на 2050 год. Об этом тоже надо нам думать, за нас это никто делать не будет, к сожалению, а может быть, даже к счастью. Потому что надо, надо, надо делать! Надо делать и ждать... И хорошо, что через пять лет нам нужно отчитываться перед мировым сообществом по Парижскому соглашению. Это срок такой... Я бы его ставил гораздо жестче и четче.

Вы еще хотели два слова сказать.

С.М. ЕГОРШЕВ

Я просто хотел бы сказать, что два года мы готовили большую государственную программу по расширению использования газомоторного топлива по поручению президента, докладывали о ней в том числе и в Совете Федерации, и в Государственной Думе, но

она не получила никакого развития и была просто, что называется, забыта.

Г.И. ОРДЕНОВ

Ну, ни Государственная Дума, ни Совет Федерации не являются исполнительными органами.

С.М. ЕГОРШЕВ

Вот все мое выступление направлено на то, чтобы вы поддержали.

Г.И. ОРДЕНОВ

Мы рекомендуем, предлагаем, просим, требуем, бывает, но, к сожалению... И мониторим, насколько это в наших силах. Когда бывает необходимость или реальная возможность "схватить кота за хвост" — мы это делаем.

Спасибо всем большое. Спасибо и за терпение, и за участие.

Рекомендации будут в течение двух недель готовиться. Мы через две недели будем утверждать эти рекомендации на заседании нашего комитета. До этого у нас есть время.

Спасибо большое.
